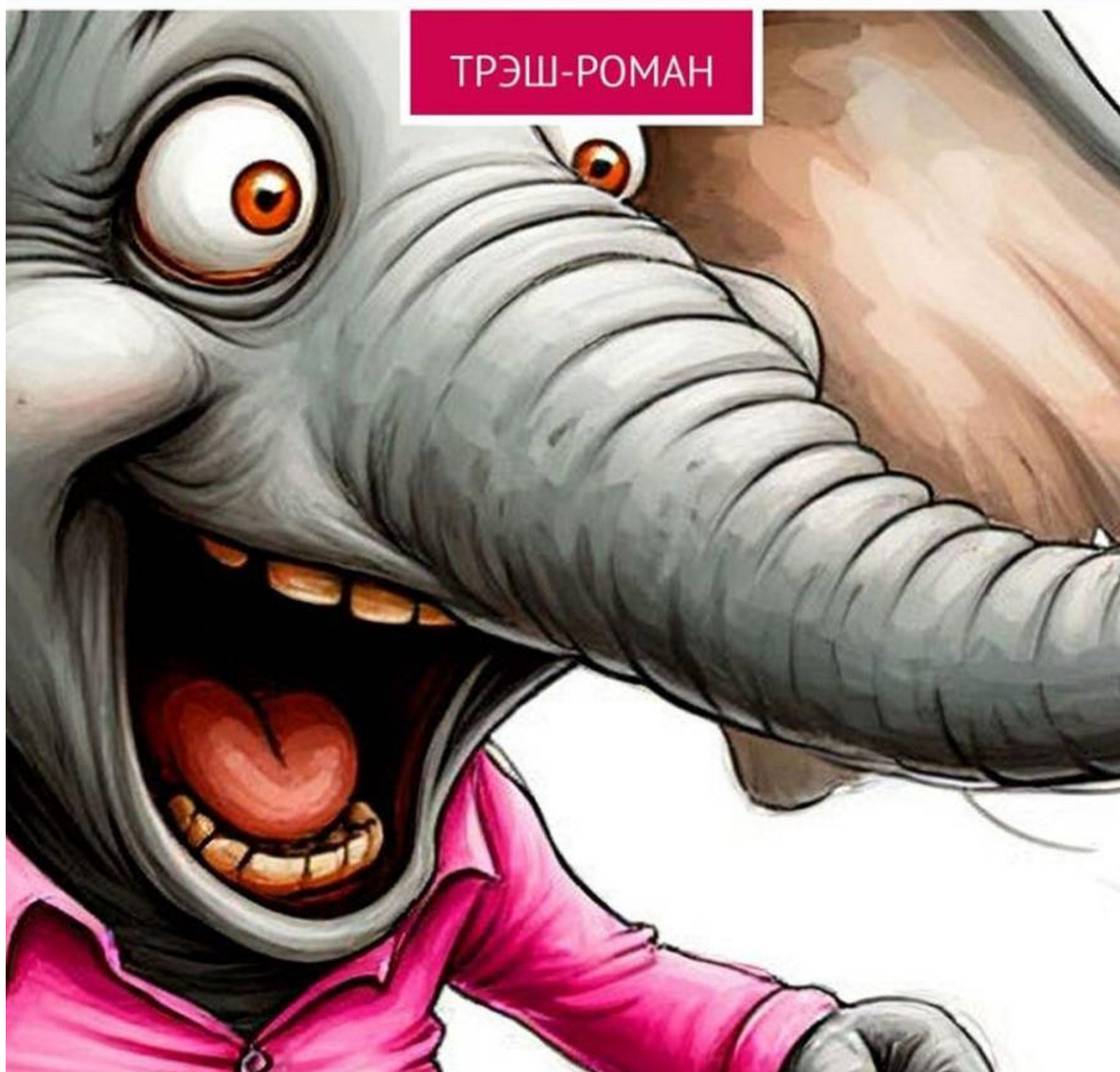

ЛЕОНИД КАРПОВ

Ядовито-розовый слоник

ТРЭШ-РОМАН

Леонид Карпов

**Ядовито-розовый
слоник: Трэш-роман**

«Автор»

2026

Карпов Л.

Ядовито-розовый слоник: Трэш-роман / Л. Карпов — «Автор», 2026

Знакомьтесь, Андрюша по прозвищу Челентано – пятитонный слон, законченный нарцисс и неисправимый мачо в ядовито-розовой рубашке. Его утро начинается с наведения марафета, полировки двухметрового хобота миндальным маслом и подкручивания ресниц. Вместе с ним в саванне обитают его верные друзья: пронырливый таракан-комбинатор Толик и меланхоличный пятиэтажный динозавр Элеазар. Но безмятежная жизнь сибарита заканчивается, когда на пороге появляется злейший враг – крошечная, но смертельно опасная мышь Регина Зурабовна, мечтающая во что бы то ни стало отрезать длинный хобот Андрюши. Вся эта книга – безумная, абсурдная и яростная погоня в лучших традициях «Тома и Джерри» и «Ну, погоди!», но для взрослой аудитории. Спасая хобот от безжалостного грызуна, герои устраивают тотальный эвакуационный марш сквозь дикий винегрет литературных жанров: от мрачного нуара, викторианского детектива и героического фэнтези до киберпанка, первобытных ужасов, грязного реализма и путешествий во времени.

© Карпов Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Слон Андрюша Челентано и его хобот	5
Глава 2. Клик-клак, или Двадцать граммов ужаса	11
Глава 3. Чехол для хобота	16
Глава 4. Как затеряться среди искусства, если у тебя хобот	23
Глава 5. Хрясь – и пополам!	29
Глава 6. В то время как наши подлодки бороздят просторы саванны...	36
Глава 7. Хобот Арнольдович	45
Глава 8. Яма для Слонопотама	56
Глава 9. Мамкин мачо	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Леонид Карпов

Ядовито-розовый слоник: Трэш-роман

Глава 1. Слон Андрюша Челентано и его хобот

Пять тонн безупречной серой туши содрогнулись от блаженства. Слон Андрюша, известный в узких кругах джунглей и саванны как Челентано, стоял перед зеркалом размером с витрину универмага. На его лоснящейся шее, складками ниспадавшей на воротник, покоилась кастомная шелковая рубашка ядовито-розового цвета. Эксклюзив. По спецзаказу из парашютного шелка.

Андрюша зажмурился, вытянул двухметровый хобот и аккуратно, как заправский бариستا, нанес каплю миндального масла на самый кончик. Раз в неделю Андрюша также делал маски из вулканической грязи и спал в специальном шелковом чехле, чтобы избежать секущихся кончиков бивней. Но хобот был его гордостью. Его осью мира. Его мужским триумфом.

– Хорош, чертяка, – пробасил Андрюша, подмигивая своему отражению левым глазом с густыми подкрученными ресницами. – Чистокровный мачо. Самец. Гроза джунглей и саванны.

– Гроза саванны, у тебя левая ноздря не покрашена, – проскрежетал из нагрудного кармана рубашки тонкий, прокуренный голос.

Из-за шелкового бортика высунулись два длинных рыжих уса, а следом показалась помятая хитиновая физиономия таракана Толика. Толик весил меньше грамма, но его амбиции могли бы раздавить небольшое европейское государство.

– Толик, не зуди под ухом, я настраиваюсь на альфа-частоты, – поморщился Андрюша, плавно поправляя хоботом воротник.

– Я просил называть меня Арнольдом! – Толик возмущенно топнул лапкой по шелку. – Сколько раз говорить? Арнольд! И вообще, завязывай с этим бабским маслом. Настоящий мужчина должен пахнуть порохом, перегаром и отвагой. Слышишь этот запах? Это запах грядущих побед, который я источаю!

Андрюша принялся. Пахло исключительно миндалем и дешевым табаком, который Толик где-то воровал.

Вдруг зеркало вздрогнуло. По гладкой стеклянной поверхности пошла легкая рябь. Через секунду пол под огромными ногами Андрюши мерно поплыл, словно при качке на роскошном лайнере.

За окном, задевая макушкой столетние баобабы, медленно плыла гора зелено-бурой плоти. Брахиозавр Элеазар совершал свой утренний моцион. На фоне этого титана даже пяти-тонный Андрюша казался упитанным шпиком. Элеазар принадлежал к тому вымирающему (технически – уже вымершему) виду динозавров, чьи хвосты застревали в одном часовом поясе, пока голова завтракала в другом. Сорок тонн доисторического вегетарианства, у которого передние ноги длиннее задних, из-за чего он похож на живую парковую горку.

Его шея, напоминающая пожарную лестницу пятиэтажного дома, плавно изгибалась. Элеазар меланхолично жевал веточку рукколы размером с приличный куст. Один его шаг оборачивался локальным землетрясением, а чих мог бы запустить в космос стаю сурикатов, но сам древний ящер об этом не задумывался.

– Андрюша-а-а, – донесся сверху глухой, как из бочки, меланхоличный голос динозавра. – Ты не видел мою рассадку сельдерей-я-я? Кто-то наступил на нее... Это так деструктивно для кармы...

– Не видел я твой сельдерей, Элик! – крикнул слон в окно, бережно полируя бивень бархоткой. – Спроси у сурикатов!

– Мир полон насилия... – вздохнул Элеазар. Он закрыл глаза и замер, погружаясь в глубокую пятиминутную медитацию прямо посреди поляны.

Андрюша вернулся к зеркалу, взял огромную расческу и... застыл. Входная дверь была приоткрыта. Буквально на ширину спичечного коробка.

На пороге стояла она.

Мышь Регина Зурабовна.

Она была настолько мала, что Андрюше пришлось сильно наклонить голову и скосить глаза к самой переносице, чтобы сфокусировать взгляд. Мышь. Обыкновенная серая мышь, чей рост едва доходил до верхнего края подошвы его массивной передней ноги. Но в ее серости была пугающая, хирургическая идеальность.

Двадцать граммов концентрированного, абсолютного, экзистенциального ужаса. На ней были очки и крошечный, идеально отутюженный фартук. В ее правой лапке тускло и зловеще поблескивали массивные канцелярские ножницы. Они были размером с ее собственное тело. Регина Зурабовна не бежала. Она никогда не бегала. Она шла. Спокойно, размеренно, чеканя каждый шаг своими микроскопическими розовыми лапками. Топ. Топ. Топ. Этот звук в ушах Андрюши отдавался ударами похоронного набата.

В ее бусинках-глазах не было злости. Там был Порядок. Желание подровнять, укоротить, ликвидировать все излишне выступающее и неровное. Особенно – длинные, серые, двухметровые отростки.

Андрюша почувствовал, как розовая рубашка мгновенно пропиталась холодным потом. Его кошмар во плоти стоял перед ним.

Этот панический, до судорог сжимающий внутренности страх преследовал его с самого детства. Тяжелая психологическая травма была нанесена Андрюше в нежном трехмесячном возрасте, когда он – крошечный трехсоткилограммовый малыш – мирно сосал мамину коленку в тени баобаба. Из кучи навоза внезапно, словно черт из табакерки, выскочила серая полевая мышь. Она не просто пробежала мимо – она сделала резкий прыжок и на долю секунды приземлилась прямо на его беззащитный, розовый, еще толком не отросший хобот.

Маленький Андрюша тогда так испуганно затрубил, что у него досрочно прорезался левый бивень, а в неокрепшем подсознании навсегда отпечатался зловещий образ: крошечное, зубастое существо спит и видит, как бы укоротить или полностью ликвидировать его главный символ мужественности и гордости.

И вот теперь, тридцать лет спустя, этот глубинный страх материализовался на пороге. Ему показалось, что лезвия ножниц Регины Зурабовны смотрят прямо на его беззащитный, трепещущий хобот. Кончик хобота рефлекторно сжался.

– О боже... Она пришла за ним... Она хочет его отрезать... – заскулил Андрюша, теряя всю свою альфа-спесь. Его огромные колени затряслись с частотой отбойного молотка.

– Слышь, Челентано, ты слон или тварь дрожащая?! – заорал из кармана Толик, пиная Андрюшу в грудную клетку. – Покажи ей, кто тут босс! Раздави ее! Включи мужика! Дай ей берцем по кумполу!

Регина Зурабовна сделала еще три шага вперед. Лезвия ножниц со страшным металлическим звуком сделали пробный щелчок: «клик-клак».

– У вас... – тихо, но удивительно четко произнесла Регина Зурабовна, ее голос прозвучал как приговор трибунала – ...абсолютно несимметричный воротник. И этот отросток на лице... Он нарушает геометрию комнаты. Нужно подрезать лишнее.

Клик-клак.

Андрюша издал тонкий девчоночий визг, совершенно не вязавшийся с его пятитонным телом, и прыгнул.

Земля ушла из-под ног. Андрюша, задев крупом косяк двери, вылетел на улицу со скоростью курьерского поезда. Розовая шелковая рубашка надулась, как парашют.

– Бежи-и-им! – орал Толик, закопавшись на самое дно кармана, среди крошек от печенья и старых билетов в кино. – Стратегическое отступление! Нас зажали в клещи!

Андрюша неся по поляне, оставляя за собой борозды в земле, словно плуг трактора. Он вильнул влево, снес заботливо выращенный Элеазаром куст гигантского папоротника, перепрыгнул через спящего бегемота и обернулся.

Регина Зурабовна была там. Она не бежала. Она все так же размеренно шла, держа ножницы наперевес. Но каким-то мистическим образом расстояние между ними не увеличивалось. Она просто перешагивала через пространственные законы. Топ. Топ. Клик-кляк.

– Элеазар! Спаси-и-и-и побратима! – взвыл Андрюша, на полной скорости врезаясь в массивную, как колонна Парфенона, ногу динозавра.

Слон попытался взобраться по шее брахиозавра, как по дереву. Его огромные серые пятки со свистом скользили по чешуйчатой коже Элеазара. Динозавр, медленно выходя из медитации, удивленно моргнул одним глазом, который оказался на уровне третьего этажа.

– Андрюша... Ты вибрируешь на очень низкой частоте страха... – меланхолично заметил Элеазар, пока слон, цепляясь хоботом за его ухо, пытался подтянуться повыше. – Страх – это иллюзия...

Правда, Элеазар и сам побаивался женщин, потому что в детстве его воспитывала деспотичная бабушка-курица, которая лупила его полотенцем по многометровой шее.

В этот момент к подножию динозавра подошла Регина Зурабовна. Она посмотрела вверх. Оценила масштаб. На секунду задумалась, а затем достала из-за пазухи канцелярский степлер размером с ладонь.

– Непорядок, – констатировала она. – Слишком много хаотичных элементов в воздухе. Подлежит фиксации.

Щелк!

Крошечная стальная скоба вылетела из степлера, пробила звуковой барьер и с грохотом вонзилась в мизинец левой ноги Элеазара, намертво пригвоздив его к столетнему баобабу.

Глаза динозавра округлились. Меланхолия испарилась.

– А-а-а-а-а-а-а-а-а! – ультразвуковой крик брахиозавра снес листву с ближайших трех гектаров леса. Пятиэтажное тело ящера подбросило вверх на десять метров.

Андрюша сорвался с шеи друга и полетел вниз. В воздухе он судорожно прижимал хобот к животу, молясь всем слоновьим богам, чтобы приземление не произошло прямо на раскрытые ножницы Регины Зурабовны.

– Включай турбины, придурок! – донесся из глубин шелкового кармана истошный вопль Толика. – Она наводит прицел!

Мир вокруг превратился в безумный калейдоскоп из летящей земли, ядовито-розового шелка, мышинных усов и сверкающей стали. Пять тонн паникующей слоновьей плоти, падающие с высоты третьего этажа, подчиняются исключительно законам гротескной физики Мультвселенной. Вместо того чтобы превратиться в лепешку, Андрюша спружинил. Его ухоженный круглый зад сработал как гигантский каучуковый мяч.

БУМ-С!

Слон отскочил от земли, сделав в воздухе тройное сальто-мортале. Рубашка с треском натянулась, затрещали швы подмышками. На втором витке из нагрудного кармана, как из катапульты, вылетел Толик.

– Галактика в опасности! Командир ранен! – верещал таракан, отчаянно вращая всеми шестью лапами в попытке поймать поток воздуха.

Андрюша рухнул обратно на землю, пропахав носом глубокую траншею прямо к ногам Регины Зурабовны. Земляная пыль осела. Кончик хобота слона замер ровно в двух сантиметрах от носков ее безупречно чистых микроскопических туфель.

Регина Зурабовна даже не моргнула. Она педантично сдула пылинку со своего белого фартука, подняла массивные ножницы и приставила холодное стальное лезвие к серой коже хобота.

– Излишек длины составляет ровно один метр семьдесят сантиметров, – методично, без тени эмоций продекламировала она. – Приступаю к калибровке.

Клик...

– Мама!!! – взвыл Челентано. В этот момент его фобия достигла апогея. Глаза слона вылезли из орбит, за занавеской страха ему померещилось, что мышь превратилась в гигантскую зубастую пасть, готовую поглотить его эго.

В этот критический миг с неба, аки рыжий метеорит, упал Толик. Он приземлился точно на правое ухо Регины Зурабовны.

– Получи, чудовище! Познай ярость Арнольда! – истошно завопил карманный проныра, начиная неистово щекотать мышь своими усами. – Андрюха, я отвлек огневую точку! Применяй секретный прием «Пьяный бегемот»! Беги, мешок с костями!

Регина Зурабовна на секунду нахмурилась. Ее левое веко дернулось. Присутствие несанкционированного насекомого на ее правом ухе нарушало строгую симметрию ее головы. Это было невыносимо.

– Нарушение санитарных норм, – сухо констатировала она, временно переводя фокус с хобота на ухо. Она подняла лапку с пилочкой для ногтей.

Этого секундного замешательства Андрюше хватило. Страх придал ему грацию балерины. Он резко втянул хобот в себя (тот свернулся плотной ракушкой), сделал кульбит назад, перевернулся на четыре ноги и рванул с места так, что из-под подошв вырвались струи сизого дыма.

– Толик, держись! Я вызову подкрепление! – протрубил слон, уносясь в сторону бамбуковой рощи.

– Спасай карма-а-ан! В нем моя заначка сигаре-е-е-т! – донесся издалека слабеющий крик Толика, который уже всюду уворачивался от пилочки для ногтей, прыгая по фартуку мыши.

Тем временем на другом конце поляны брахиозавр Элеазар наконец справился с шоком. Металлическая скоба, пригвоздившая его мизинец к баобабу, держала намертво. Элеазар глухо вздохнул, пытаясь вернуть внутренний дзен.

– Ом-м-м... – затаил динозавр, закрывая глаза. – Насилие порождает насилие... Но этот баобаб... Он забирает мою прану...

Элеазар потянул ногу. Баобаб, росший на этом месте триста лет, с треском вырвался с корнем. Теперь пятиэтажный веган-пацифист медленно брел по джунглям, волоча за собой на левой ноге древнее дерево, как гигантское противоугонное устройство.

– Андрюша... – меланхолично позвал Элеазар, его голос эхом разнесся над кронами. – Подожди... Мы должны обсудить это в кругу доверия... Твоя мышь нарушает границы моего личного пространства...

А позади них, со скоростью уверенного в себе асфальтоукладчика, шла Регина Зурабовна. Толик уже был успешно стряхнут и теперь понуро бежал следом, пытаясь укусить ее за пятку, но мышь этого даже не замечала. Ее взгляд был устремлен вперед – туда, где среди бамбука мелькала ядовито-розовая шелковая рубашка. Порядок должен быть восстановлен. Лишнее должно быть отрезано.

Бамбуковая роща трещала так, словно сквозь нее на полной скорости прорывался танковый батальон. Розовый шелковый купол рубашки Андрюши уже превратился в бахрому: стебли бамбука нещадно полосовали эксклюзивную ткань, превращая альфа-самца в ободранное серое облако.

Слон тяжело дышал. Его уши, обычно гордо расправленные, теперь были плотно прижаты к черепу, словно гоночные спойлеры. Кончик хобота он держал зажатым в зубах – для надежности.

– Все, приехали, – прохрипел Толик, который умудрился на ходу запрыгнуть обратно в полуоторванный карман. Таракан был взъерошен, один ус погнут, но это по-прежнему требовало великих свершений. – Андрюха, тормози! Мы зажали себя в тактический тупик! Впереди болото!

Андрюша резко затормозил всеми четырьмя ногами. Из-под его конечностей полетела земля, бамбуковая щепка и мелкие испуганные лягушки. В двух метрах от него действительно начиналась хлюпающая жижа зеленой трясины.

Сзади раздался знакомый, леденящий душу звук.

Топ. Топ. Топ.

Регина Зурабовна вышла из бамбуковых зарослей. На ее идеальном белом фартуке не было ни единого пятнышка. Бамбук расступался перед ней сам, повинувшись законам идеального порядка. В ее лапках вместо ножниц теперь был зажат массивный тяжелый степлер, а из кармашка фартука зловеще торчала огромная швейная игла с суровой нитью.

– Бегство от симметрии нецелесообразно, – ровным, лекторским голосом произнесламышь. – Вы нарушаете ландшафт. Пять тонн хаоса. Я должна укоротить этот периметр.

– Назад, женщина! – вдруг взвизгнул Толик, высунувшись из кармана и угрожающе размахивая обломком бамбуковой щепки, как рапирой. – У меня черный пояс по кухонным боям! Андрюха, не дрейфь! Плюнь в нее! Включи брендспойт!

Но у Андрюши внутри все окончательно рухнуло. Страх парализовал его волю. Ему казалось, что игла в лапках Регины Зурабовны – это шпиль гильотины, созданный специально для его гордости. Слон упал на колени, закрыл глаза огромными ушами и задрожал, превратившись в гору розово-серого желе.

– Делайте со мной что хотите... Только не хобот... Пожалуйста, только не хобот... – заскулил «чистокровный мачо».

В этот критический момент земля снова содрогнулась.

– Андрюша-а-а... – послышался сверху меланхолический вздох.

Через рощу, ломая вековые стволы, на поляну вывалился брахиозавр Элеазар. Трехсот-летний баобабаб, все еще пригвожденный огромной скобой к его левому мизинцу, волочился следом, оставляя в земле каньон глубиной в метр. Динозавр был глубоко опечален. Его веганская душа изнывала от дисгармонии.

– Я принес баобабаб... Чтобы мы могли сесть под его сенью и обсудить... наши скрытые травмы... – грустно произнес Элеазар.

Он попытался сделать шаг, но вырванный с корнем баобабаб зацепился за гигантскую бамбуковую куртину. Натянувшись, как тетива циклопического лука, столетнее дерево спружинило. Из-за колоссального веса динозавра законы физики сработали безупречно: баобабаб резко вырвался из бамбукового зацепа и с оглушительным свистом полетел по круговой траектории, увлекая за собой ногу Элеазара.

– Ой... – успел сказать динозавр.

Пятиэтажная туша брахиозавра, описав изящную дугу, потеряла равновесие. Элеазар начал падать. Медленно, как подкошенная Пизанская башня, сорок тонн пацифистской плоти рухнули точно в центр поляны, между слоном и мышью.

БА-А-А-А-М-С!!!

Взрывная волна от падения динозавра была такой силы, что бамбуковую рощу сдуло подчистую в радиусе ста метров. Андрюшу вместе с Толиком подбросило в воздух. Они завертелись в ядовито-розовом шелковом вихре, пролетели над болотом и с мягким звуком «ЧПОК» приземлились на другом берегу – точно на мягкую кучу сухих листьев.

Регину Зурабовну воздушный поток от падения гиганта поднял вверх, словно пушинку. Но даже в полете она сохраняла осанку. Ветер уносил ее вглубь джунглей, а фартук сработал как маленький, идеально рассчитанный парашют. Позади нее в воздухе летели ножницы, степлер и пилочка, выстроившись в безупречную геометрическую линию.

Когда пыль улеглась, на поляне воцарилась тишина.

Элеазар лежал посреди болота, мирно жуя случайно попавшую в рот кувшинку.

– Какая глубокая... заземляющая практика... – пробормотал динозавр, окончательно погружаясь в нирвану.

Андрюша сидел в куче листьев на противоположном берегу. Он судорожно ощупал себя. Рубашка была уничтожена, но хобот... Хобот был на месте! Целый, невредимый и все еще пахнувший миндальным маслом.

– Мы победили! – Толик вылез из остатков кармана, триумфально вскинув лапки. – Мой стратегический план сработал идеально! Я разгадал ее маневр и использовал динозавра как живой щит! Называй меня Арнольдом, Челентано, я твой спаситель!

Андрюша облегченно вздохнул и поднялся на ноги. Солнце уже садилось за горизонт джунглей, окрашивая небо в багровые тона. Сутки подходили к концу. Он по-прежнему был пятитонным, свободным альфа-самцом. Ну, почти свободным.

Где-то далеко в чаще леса, куда улетел мышиный фартук-парашют, раздался едва слышимый, но абсолютно четкий и ритмичный металлический звук:

Клик-клак.

Клик-клак.

Андрюша вздрогнул. Регина Зурабовна обязательно вернется. И завтрашний день не предвещал ничего хорошего.

Глава 2. Клик-клак, или Двадцать граммов ужаса

Солнце вошло над джунглями ровно в шесть утра, окрасив баобабы в цвет спелого манго. Первые лучи упали на Андриюшу, который не спал всю ночь. Нарциссизм велел ему страдать красиво, поэтому слон сидел у ручья, завернувшись в остатки шелковой рубашки, и лихорадочно красил хобот зеленой болотной тиной.

– Это гениально, – бормотал Андриюша, размазывая слизь ухоженным ногтем. – Если я зеленый, значит, я лиана. Кто станет отрезать лиану? Лианы – часть экосистемы.

– Лианы не пахнут дорогим парфюмом и не весят пять тонн, Челентано, – зевнул Толик, выбираясь из складки на ухе слона. Таракан держал в лапке обгорелую спичку и использовал ее как утреннюю гантель. – Твоя маскировка – отстой. Настоящий мужчина должен встречать опасность с открытым забралом! И вообще, почему мы до сих пор не построили фортификационные сооружения?

– Замолчи, Арнольд комнатный, – огрызнулся Андриюша, шмыгая свежевыкрашенным хоботом. – Моя психика разрушена. Мое либидо под угрозой. Я чувствую себя обнаженным перед лицом ее... ножниц.

Земля мерно вздрогнула. По ручью пошла идеальная круговая рябь. Из-за деревьев показалась голова Элезара. Динозавр выглядел просветленным, а на его шее красовалось ожерелье из кувшинок. Столетний баобаб по-прежнему был примотан к его левой ноге, но теперь Элезар использовал его как гигантскую трость, элегантно опираясь при каждом шаге.

– Доброе утро, дети хаоса... – пропел Элезар. – Ночью я осознал, что Регина Зурабовна – это просто наше зеркало. Она отражает наше стремление к излишествах. Андриюша, твой хобот слишком роскошен. Мой хвост слишком длинный. Мы должны принять ее секатор как инструмент очищения...

– Да пошел ты со своим очищением! – гаркнул Толик. – Еще одно слово про секатор, и я объявлю тебе экономический бойкот и сожру твои запасы рукколы!

В этот момент бамбук на краю поляны раздвинулся.

Топ. Топ. Топ.

Она вернулась. Двадцать граммов концентрированного ужаса и непреклонной воли. Регина Зурабовна стояла на тропинке, как ни в чем не бывало. Фартук – белоснежный. На лапках – новые розовые перчатки. В правой руке она держала тяжелую, блестящую малярную рулетку с пружинным возвратом, а в левой – огромный садовый секатор.

Ее бусинки-глаза мгновенно зафиксировали зеленый пятитонный объект. Она вытянула рулетку, металлическая лента с противным свистом вылетела на пять метров вперед и замерла ровно над хоботом Андриюши.

– Маскировка выполнена с нарушением СНиП, – ледяным тоном объявиламышь. – Попытка выдать детородную метафору за элемент флоры. Лишняя длина – метр семьдесят. Подлежит немедленной утилизации.

Клик-клак! Лезвия секатора сошлись с такой силой, что из них высеклась искра.

Андриюша издал звук, похожий на свисток закипающего чайника, подпрыгнул на месте и, забыв про грацию мачо, рванул вглубь леса, высоко задрав покрашенный тинной хобот.

– В атаку! То есть отступаем по флангам! – заорал Толик, падая на дно ушной раковины слона. – Андриюха, жми на газ! Она обходит нас по геологической прямой!

Джунгли снова закрутило в вихре паники. Слон несея вперед, сшибая бивнями кокосовые пальмы, которые падали позади него идеальным домино. Но Регина Зурабовна, методично шагая со скоростью пешехода, опять оказывалась прямо за его пятками на каждом повороте.

– Элик, прикрой хвостом! – взмолился Андриюша, пролетая мимо динозавра.

Элеазар меланхолично вздохнул и попытался развернуться, чтобы подставить под удар свой баобаб, но мышь оказалась быстрее. Она подбежала к волочащемуся дереву, нажала на кнопку рулетки, металлическая лента обернулась вокруг ствола, и Регина с силой дернула ее на себя.

Законы рычага в этом удивительном мире сработали мгновенно. Столетний баобаб крутанулся, как волчок, и с треском выбил скобу из пальца динозавра. Свободный баобаб полетел вперед, словно снаряд из катапульты, целясь точно в зад убегающего Андрюши. Тень гигантского снаряда накрыла слона, чья выкрашенная в зеленый цвет корма мгновенно покрылась гусиной кожей размером с арбузы.

– Вражеская ракета на шесть часов! – истошно заверещал Толик, высовываясь из ушной раковины слона и отчаянно жестикулируя. – Челентано, делай бочку! Включай противоракетную оборону! Контратакуй, мачо несчастный!

Страх отжатия хобота сотворил с физиологией Андрюши чудо. В его жилах проснулась кровь древних мамонтов – ну, или просто включились классические законы анимационного экшена. Слон резко затормозил, развернулся на одной левой ноге, как профессиональный бейсболист на базе, и сбросил зеленую маскировочную тину со своего главного оружия.

Хобот налился свинцовой тяжестью, вытянулся до предела и с хлестким, металлическим звуком «ХРЯСЬ» встретил летящее дерево в воздухе.

Удар был такой силы, что баобаб разлетелся в щепки, превратившись в идеальное облако аккуратных, одинакового размера зубочисток. Гротескная физика сработала безупречно: Андрюшу от отдачи закрутило волчком, и он начал стремительно ввинчиваться задней частью в землю, словно гигантский серый саморез. Через секунду на поверхности осталась торчать только испуганная физиономия с плотно зажмуренными глазами и вертикально поднятый хобот.

– Стратегическое окапывание завершено! – доложил Толик, чудом удержавшийся за ресницу слона. – Мы в бункере!

Из облака древесной пыли размеренным шагом вышла Регина Зурабовна. Снаряд из зубочисток, летевший в ее сторону, аккуратно разлетелся по обе стороны от ее траектории, сформировав два идеально ровных заборчика. В ее лапках садовый секатор сменился огромным офисным дыроколом. Она подошла к торчащему из земли хоботу Андрюши, наклонилась и критически осмотрела его.

– Симметрия нарушена радиальным вращением, – сухо резюмировала она. – Требуется перфорация для вентиляции и последующее усечение.

Она примерила дырокол к серой коже.

– Спасите-е-е-е! – глухо донеслось из-под земли от Андрюши. Его страх вспыхнул с новой силой: ему казалось, что дырокол превратит его мужскую гордость в кухонный дуршлаг.

– Эй, Зурабовна! Попробуй усеки вот это! – раздался сверху громовой, но на удивление воинственный клич.

Элеазар, лишившись своего любимого баобаба и зоны комфорта, окончательно вышел из себя. Его пацифизм дал трещину. Глаза вегана налились яростью берсерка, питающегося исключительно пророщенной пшеницей. Динозавр вдохнул столько воздуха, что его грудная клетка раздулась до размеров дирижабля, а шея вытянулась вверх, пробив кучевое облако.

ТУ-У-У-У-У-У-У-У-У-У!

Элеазар издал сокрушительный ультразвуковой трубный рев юрского периода. Звуковая волна физически смяла пространство. Деревья в радиусе километра согнулись до земли. Регину Зурабовну вместе с ее дыроколом подхватило этим яростным акустическим потоком и швырнуло высоко в небо. Она взмыла, вращаясь вокруг своей оси, словно маленькая, идеально сбалансированная баллистическая ракета, и скрылась в облаках.

Элеазар медленно выдохнул. Его грудная клетка опала. Глаза снова стали меланхолическими.

– Упс... Кажется, я поддался деструктивным вибрациям гнева... – виновато пробормотал динозавр, глядя в небо. – Моя карма теперь чернее сгоревшего тофу...

Когда земля вокруг заколыхалась, и из своей земляной скважины, как пробка из шампанского, вылетел Андрюша. Он упал на живот, тяжело дыша, и первым делом судорожно ощупал хобот. Цел. Без единой лишней дырочки.

– Мы сделали это! – Толик победно станцевал чечетку на макушке слона. – Моя авиационная поддержка сработала! Запиши в журнал побед: Арнольд Великий сокрушил империю Мышеархата!

Андрюша сел на траву, поправляя обрывки розовой шелковой рубашки. Солнце стояло в зените. Они снова были на своей поляне, живые и целые.

Но этот мир не собирался оставлять героев в покое надолго.

Где-то высоко в небе, прямо из белого пушистого облака, послышался далекий, но пугающе ритмичный звук. Регина Зурабовна, используя свой фартук как парашют-крыло, уже закладывала крутое пике, возвращаясь на базу.

Мышь приземлилась точно в центр свежего заборчика из зубочисток. Носочки ее лапок коснулись травы без единого шороха. Розовые перчатки были чисты, а в лапках вместо дырокола теперь красовался массивный строительный штангенциркуль.

– Второе пришествие! – взвизгнул Толик, прячась за слоновье веко. – Она неистребима! Андрюша, вызывай ПВО! Элеазар, труби еще раз!

Но брахиозавр лишь скорбно прикрыл глаза уцелевшей веткой палисандра. Его чакры были заблокированы раскаянием.

– Мой дух пуст, как выжатый кокос... – прошептал гигант. – Я не стану осквернять остатки этого дня насилием.

Регина Зурабовна тем временем сделала три размеренных шага к Андрюше. Слон, все еще сидя на траве, попытался свернуться калачиком, чтобы уменьшить свой пятитонный объем до стандартов малогабаритного жилья.

– Нарушение воздушного пространства и несанкционированный запуск биологического объекта в стратосферу, – ледяным тоном зафиксировала мышь. – Штрафные санкции будут приведены в исполнение до наступления сумерек.

Она с характерным щелчком раздвинула губки штангенциркуля. Металлическая рамка зловеще блеснула в лучах садящегося солнца, которое уже окрасило джунгли в багровые тона. До темноты оставалось меньше получаса.

– Пощадите... – просипел Андрюша, прижимая хобот к животу. – Скоро ночь. По СНиПам шуметь после двадцати двух ноль-ноль запрещено! Вы не имеете права на демонтаж в темное время суток!

Мышь замерла. Ее бусинки-глаза медленно повернулись к заходящему светилу. В ее строгой бюрократической голове, как на перфокарте, защелкали параграфы и регламенты. Андрюша случайно попал в единственную уязвимую зону ее абсолютного порядка – в закон о тишине.

– Корректировка графика, – сухо произнесла Регина Зурабовна, убирая инструмент в карман фартука. – Процедура стандартизации ландшафта и обрезки излишков переносится на завтра, ровно на шесть ноль-ноль.

Она развернулась на каблуках и ровным, механическим шагом скрылась в зарослях бамбука. Каждое ее движение по-прежнему идеально соответствовало ГОСТу.

Джунгли погрузились в вечернюю прохладу. Толик осторожно высунул усики, убедился, что угроза миновала, и победно вскинул лапки.

– Шах и мат, Мышеархат зубастый! – заорал таракан. – Мы выиграли эти сутки! Андрюха, объявляю комендантский час и вечерний жор рукколы!

Андрюша облегченно вздохнул, бережно расправил помятый хобот и посмотрел на первые звезды. Этот сумасшедший день закончился, но до рассвета им нужно было придумать новый, максимально эффективный план спасения.

...Ночь в джунглях летела со скоростью пикирующего фартука. Толик, объявивший себя главой штаба ночной обороны, не спал. Он расчертил углем на широком листе банана подробную схему поляны, разделив ее на сектора обстрела.

– Итак, товарищи, слушайте мою команду, – шептал таракан, расхаживая перед дремлющими гигантами. – Силы противника придут ровно в ноль шесть ноль-ноль. Из оружия у нее, предположительно, лазерный нивелир или промышленный шредер. Андрюха, твоя задача – симулировать столб. Элеазар, ты изображаешь холмистый рельеф.

Андрюша лишь тихо всхлипывал в полудреме. Ему снилось, что его роскошный хобот измеряют по квадратным сантиметрам и облагают налогом на роскошь.

В пять сорок пять утра тьма начала рассеиваться. Джунгли замерли в густом, влажном тумане.

В пять пятьдесят девять Толик запрыгнул на макушку слона и приставил к глазам половинку скорлупы от кокоса вместо бинокля.

– Внимание... Секундная стрелка пошла. Пятьдесят восемь... Пятьдесят девять... Шестьдесят!

Бамбук раздвинулся секунда в секунду.

Но Регина Зурабовна не вышла на тропу. Вместо нее из тумана показался кончик длинной, идеально ровной алюминиевой рейки-правила с пузырьковым уровнем посередине. Сама мышь шла следом, одетая в новый, защитного цвета комбинезон с кучей карманов. На ее голове красовалась миниатюрная строительная каска.

Она не стала тратить время на приветствия.

– Шесть ноль-ноль. Начало утренней смены, – объявила она, и ее голос эхом разнесся по туманной поляне. – Повестка дня: принудительное выравнивание горизонтов и ликвидация выпирающих архитектурных излишков.

Мышь вскинула лапку, в которой вместо секатора теперь был зажат массивный гидравлический кабелерез, способный перекусить рельс. Инструмент хищно блеснул в первых лучах солнца.

– План «Столб» провален! – запаниковал Толик. – Андрюха, включай экстренную дипломатию! Торгуйся! Предложи ей долю в бизнесе!

Андрюша открыл глаза, увидел кабелерез и понял, что бежать некуда – сзади была отвесная скала. Времени на панику не осталось. Внутри слона вдруг проснулся истинный, отчаянный дипломат. Он упал на колени, сложил передние лапы и драматично прижал хобот к груди.

– Стойте, Регина Зурабовна! – взмолился слон, пустив слезу величиной с хорошее ведро. – Я признаю все нарушения! Но усечение недопустимо по экологическим регламентам! Мой хобот – это зарегистрированный объект водопоя для редких видов бабочек! У меня есть... устное свидетельство от местной экосистемы!

Мышь замерла в двух шагах от него. Лезвия кабелереза были разведены на максимальную ширину. Она на секунду нахмурилась.

– Предъявите документальное подтверждение, – сухо потребовала она. – Акты, заверенные лесничеством, или паспорта объектов. На слово СНиПы не верят.

– Элеазар, тащи рукколу, мы ее подкупим! – зашипел Толик, но тут туман над поляной окончательно рассеялся, и солнце полностью осветило джунгли.

В этот критический миг, когда лезвия кабелереза уже коснулись серой кожи, на кончик хобота Андрюши опустилась крошечная, сияющая всеми цветами радуги бабочка. За ней –

вторая. Через секунду из зарослей бамбука вылетело целое неоновое облако редчайших тропических чешуекрылых.

Они плотным живым ковром облепили выкрашенный тинной хобот, приняв его за цветущую лиану, и дружно развернули свои хоботки для водопоя.

Регина Зурабовна застыла. Ее твердый палец замер на рычаге гидропривода. Глазобусинки начали лихорадочно сканировать живой объект. В ее голове, споря с параграфами СНиПов, со скрежетом включился Красный том экологического надзора.

– Фиксация биосферного прецедента, – монотонно произнесла мышь. – Объект содержит популяцию *Morpho surgis*, занесенную в реестр абсолютной неприкосновенности. Изменение геометрии носителя повлечет за собой штраф международного трибунала Мышеархата.

Она с сухим щелчком свела кабелерез обратно и спрятала его в карман комбинезона.

– Выравнивание отменяется. Объект переводится в статус заповедной зоны. Регламент обязывает вас поддерживать влажность и содержание ила на уровне не менее восьмидесяти процентов. Ежедневно – внезапная проверка.

Мышь достала из кармана крошечный штамп, с размаху шлепнула Андрюше чернильную печать прямо на лоб и, не говоря больше ни слова, маршевым шагом удалилась в туман.

– Победа! – завопил Толик, падая на спину и дрыгая всеми шестью лапками. – Бабочки-шпионы сработали идеально! Запишите в журнал: Арнольд Великий спас заповедник!

Элеазар меланхолично улыбнулся и аккуратно положил на место веточку палисандра. Баланс сил в джунглях снова восстановился. Андрюша, боясь пошевелить хоботом, чтобы не спугнуть своих спасительниц, счастливо скосил глаза на сияющих бабочек. Его нарциссизм ликовал: теперь он был не просто красив, он был официально признан национальным достоянием.

Глава 3. Чехол для хобота

Солнце очередного дня безжалостно палило над джунглями, когда Андрюша, окончательно лишившийся своей шелковой рубашки, уныло разглядывал грязное отражение в луже. Его пятитонное эго было растоптано. Зеленая тина высохла и шла трещинами, превращая некогда ухоженного пижона в растрескавшийся глиняный кувшин.

– Все кончено, – трагически протрубил слон, прикрывая кончик хобота ухом. – Мышь вернется. Мой великий хобот превратится в нарезку для салата. Я ухожу в монастырь. К сурикатам.

– Отставить сурикатов, тряпка серая! – Толик высунулся из складочки на шее Андрюши и больно укусил его за эпидермис. – Пока у тебя есть я – Арнольд, финансовый титан и гений логистики, – твоя гордость в безопасности. Мы переходим на следующий уровень ведения войны!

Таракан вытащил откуда-то из-за пазухи крошечный, пожеванный буклет с кривой надписью: «Контрабанда от гиены Жоры. Все для аннигиляции и порядка».

– У Жоры на дальнем болоте есть девайс, который решит все наши проблемы, – заговорщически прошептал Толик, шевеля усами. – Сверхпрочный титановый чехол для цилиндрических объектов. С кодовым замком и шипами. Но нам нужны бабки. Точнее – бананы высшего сорта. Много.

Андрюша оживился. Мысль о том, чтобы заковать свой драгоценный хобот в титановую броню с шипами, мгновенно вернула ему долю бывшего нарциссизма. Он уже представлял, как будет дефилировать по саванно-джунглям, сверкая металлом. Альфа-самец новой эры! Киборг-соблазнитель!

– Но где мы возьмем столько бананов? – засомневался слон.

Оба синхронно повернули головы в сторону болота. Там, наполовину погрузившись в теплую жижу, сидел Элеазар. Динозавр медитировал на плавающую кувшинку, пытаясь очистить чакры после недавнего ультразвукового взрыва. Рядом с ним на берегу возвышалась аккуратная, гигантская гора отборных, спелых контрабандных бананов, которые Элеазар берег для своего еженедельного детокс-смузи.

– Элик... Друг мой доисторический... – вкрадчиво начал Андрюша, подползая к болоту на цыпочках, что выглядело крайне нелепо при его весе. – Твоя карма требует великого акта благотворительности. Для спасения геометрии мира.

– Бананы – это лишь витаминная иллюзия... – не открывая глаз, меланхолично отозвался брахиозавр. – Берите... Если это поможет вашей экзистенциальной тревоге... Но знайте: истинная защита – внутри нас...

– Да-да, внутри, конечно, – перебил Толик, уже скатывая один банан к ноге слона. – Андрюха, хватай сколько унесешь и дуем к Жоре, пока Зурабовна не вернулась!

Через десять минут бамбуковые заросли на дальнем болоте раздвинулись. Слон и таракан предстали перед гиеной Жорой – облезлым торговцем в грязных солнцезащитных очках. Сгрузив охапку бананов и пообещав сегодня же доставить остальное, Андрюша получил заветную коробку.

Внутри лежал «Чехол-Антирез Х-3000». Блестящий, тяжелый, пахнущий машинным маслом – титановый футляр, идеально повторяющий форму хобота, с массивными шипами по бокам и кодовым замком у основания.

Андрюша с придыханием натянул девайс на хобот. Раздался тяжелый гидравлический щелчок: «КЛАНГ». Замок защелкнулся.

– Ну все, Зурабовна, – захохотал Толик, взбираясь на титановый шип, как на смотровую вышку. – Теперь ты обломаешь свои канцелярские амбиции! Челентано снова в игре!

В этот момент небо над болотом как будто потемнело. Из ниоткуда появилась Регина Зурабовна. Тесак для бумаги в ее лапках зловеще сверкнул отражением солнца.

Она сделала первый шаг. Топ.

Ее взгляд упал на сияющий титановый хобот Андрюши. На секунду ее бусинки-глаза сузились. Такого нарушения природной геометрии она вытерпеть не могла. Металл в джунглях? Без лицензии и штампа ОТК?

– Несанкционированная малая архитектурная форма, – ледяным тоном отчеканила Регина Зурабовна.

Она не стала заносить тесак. Вместо этого она полезла в свой бездонный фартук и достала... гигантский магнитный индуктор промышленного типа, соединенный толстым кабелем с крошечным, но яростно тарахтящим дизель-генератором на колесиках, который она все это время тащила за собой.

ЩЕЛК. Мышь повернула тумблер.

Титановый чехол (явно щедро разбавленный дешевым железом) на хоботе Андрюши мгновенно намагнитился. Сила притяжения была такой, что пятитонного слона со свистом потащило вперед, лицом прямо в грязь, вслед за его собственным носом, который намертво прилип к магниту Регины Зурабовны.

– А-а-а-а! Код красный! Магнитная ловушка! – заорал Толик, слетая с шипа и шлепаясь в болото.

Клик-кляк.

Регина Зурабовна вынула из-за спины огромный тесак и хладнокровно примерила его к основанию замка футляра. Пять тонн слоновьей паники, намертво прикованные титановым носом к промышленному магниту, представляли собой жалкое зрелище. Андрюша елозил пузом по болотной жиже, оставляя за собой просеку, достойную карьерного экскаватора. Сила индукции гнула его гордость буквой «Г», нарушая всю тщательно выверенную эстетику тела мачо.

– Толик! Пароль! Какой пароль от замка?! – истошно трубил слон сквозь наглухо заблокированный чехол, отчего его голос напоминал зажатую в тиски волынку. – Она уже заносит тесак над соединительным швом! Мое эго... оно трещит!

Толик, барахтавшийся в болотной ряске неподалеку, яростно отплевывался от тины.

– Пароль... Э-э-э... Кажется, «Арнольд Т-800»! Или «850»? – верещал таракан, лихорадочно роясь в обрывках банановой кожуры, на которой он нацарапал заветные цифры. – Блин, я стер код, когда вытирал усы! Андрюха, подбирай перебором!

Регина Зурабовна тем временем хладнокровно занесла тесак для бумаги над основанием титанового футляра. Ее дизель-генератор тарахтел с частотой пулемета, выдавая максимальный вольтаж.

– Коррекция контура через три... две... – методично отсчитывала мышь, и ее лапка в розовой перчатке не дрогнула ни на миллиметр.

Но тут в дело вмешалась высшая веганская справедливость.

Брахизавр Элеазар, созерцавший, как плоды его недельного бананового детокса пошли на взятку контрабандистам, ощутил глубочайший кризис доверия к миру. Его внутренний дзен не просто дал трещину – он раскололся на мелкие экологически чистые осколки.

– Мой смузи... Мои калийные запасы... Вы превратили их в оружие капиталистического гнета... – меланхолично, но с пугающей низовой вибрацией в голосе произнес Элеазар.

Динозавр опустил свою пятиэтажную шею к самой поверхности болота. Его исполинские ноздри сработали как два промышленных пылесоса, втянув в себя добрую тонну густой, насыщенной сероводородом и торфом болотной грязи.

ШШШШУУУУУП.

Элеазар резко повернул голову в сторону тарахтящего дизель-генератора Регины Зурабовны, прицелился правым глазом и выдал сокрушительный грязевой залп.

ПОООООУУУУУ!

Гигантская струя жидкого ила, обогащенного торфом, накрыла генератор идеальным слоем толщиной в полметра. Дизельное сердце мышинной ловушки захлебнулось, чихнуло сизым дымом и с громким металлическим «ХРЮК» заклинило. Магнитное поле исчезло мгновенно.

Законы здешней физики сработали без промедления. Андрюша, который из всех сил тянул свой пятитонный зад назад, пытаясь оторваться от магнита, из-за внезапного исчезновения силы притяжения полетел спиной вперед со скоростью баллистической ракеты.

ВЖУУУУУХ!

Слон пролетел через всю поляну, снес остатки бамбукового забора, зацепил крупом несчастного Элеазара и на полной скорости влетел в ту самую гору бананов, которую еще не успели перетащить к Жоре.

Раздался оглушительный взрыв спелой мякоти: «ЧПОК-БАБАХ!»

Воздух заполнился банановым пюре, которое желтым тропическим дождем хлынуло на джунгли. Андрюша сидел в эпицентре этого кулинарного апокалипсиса, с ног до головы покрытый фруктовой кашей. Но самое главное – от страшного удара о землю титановый чехол «Антирез Х-3000» со свистом соскочил с его хобота и улетел в неизвестном направлении. Нос был на свободе! Целый, невредимый, хоть и пахнувший теперь не миндальным маслом, а спелым салатом.

Регина Зурабовна, чей фартук остался безупречно белым даже в эпицентре бананового взрыва (она просто вовремя закрылась тесаком, как зонтиком), аккуратно переступила через кучу грязи.

Она медленно перевела взгляд с генератора на Андрюшу. Слон, зажмурившись, ждал неминуемой расправы. Банановая каша лениво сползала с его ушей, капая в болотную жижу с тихим звуком «плюх... плюх».

– Отсутствие защитного кожуха, – констатировала Регина Зурабовна, приближаясь к Андрюше. – Грубое нарушение техники безопасности при эксплуатации дыхательных путей повышенной мощности. Штраф – пятьдесят бананов. Ввиду потери всех бананов...

Она зловеще приподняла тесак для бумаги.

– Стоять, бюрократия несчастная! – из кустов, воинственно размахивая сорванным лавровым листом, выскочил Толик.

Он был весь в болотной тине, из-за чего напоминал крошечного спецназовца на секретном задании. Таракан бесстрашно перегородил мышши дорогу, встав прямо перед ее носком в розовой перчатке.

– Ты не имеешь права! – закричал Толик, тяжело дыша. – Объект «Хобот» прошел экстренную процедуру дезинфекции и органического глазирования! Посмотри на него: он покрыт защитным слоем натурального бананового пюре. Это... это инновационная экоброня! Защита от коррозии и ультрафиолета. Лицензия выдана... э-э-э... Министерством заболотных дел!

Регина Зурабовна замерла. Ее бусинки-глаза начали лихорадочно вращаться, словно внутри нее перезагружался старый офисный компьютер. Строчка про «Министерство заболотных дел» явно не числилась в ее регламенте, но прозвучала достаточно официально, чтобы вызвать системный сбой.

– Запрос в архив... – пробормоталамышь, медленно опуская тесак. – Проверка реестра экоброни...

Покамышь находилась в бюрократическом ступоре, Элеазар тяжело вздохнул. Брахиозавр поднял испачканную в грязи голову и посмотрел на Андрюшу своим фирменным меланхолическим взглядом.

– Вы уничтожили мою витаминную иллюзию... – грустно произнес динозавр. – Но взамен... вы создали искусство. Андрюша, ты теперь похож на гигантский желтый торт. Это... концептуально.

Слон робко открыл один глаз. Поняв, что тесак больше не висит над его гордостью, Андрюша мгновенно воспрял духом. Внутри него снова заворчалось растоптанное пятитонное эго. Он грациозно вытянул хобот, стряхнул с него особо крупный кусок банановой кожуры и принял позу античной статуи.

– Я не торт, Элик, – самодовольно трубнул Андрюша, хотя его голос все еще слегка дрожал от пережитого ужаса. – Я – арт-объект. Новое слово в тропической моде! Завтра все гепарды будут ходить в банановом смузи, вот увидишь.

– Да-да, кулинарный ты наш мачо, – проворчал Толик, прыгая Андрюше на ухо и пытаясь вытереть лапки о его розовую рубашку (точнее, о то, что от нее осталось). – А теперь валим отсюда, пока у этой канцелярской леди не обновились базы данных!

Толик оказался прав. Дизель-генератор Регины Зурабовны под слоем грязи вдруг издал прощальный звук «кххх», а сама мышь резко встряхнула головой. Ее взгляд снова стал ледяным и сфокусированным.

– Данные Министерства заболотных дел не найдены в Едином реестре Саванны, – отчеканила она, вновь поднимая тесак. – Ложная сертификация. Конфискация объекта через три... две...

Но Андрюшу уже не нужно было уговаривать. Пятитонный «арт-объект» с резвостью испуганной лани развернулся на месте и с грохотом припустил вглубь бамбуковых зарослей, оставляя за собой шлейф из желтого пюре и криков Толика: «Газуй, Андрюха, газуй!»

Андрюша и Толик остановились только тогда, когда бамбуковый треск позади полностью затих, а воздух перестал пахнуть канцелярским пластиком и дизельным выхлопом.

Они оказались на Термитовой Поляне – выжженном солнцем пятачке, где из земли торчали огромные глиняные конусы, похожие на башни готических замков. Андрюша тяжело рухнул на колени. Банановое пюре на его боках под палящими лучами уже начало подсыхать, превращаясь в плотную, липкую и жутко чешущуюся глазурь. Похоже, «экоброня» Толика имела серьезные побочные эффекты.

– Моя шкура... Она стягивается, – жалобно просипел слон, безуспешно пытаясь пошевелить ушами. – Толик, я превращаюсь в сушеный банан. Меня съедят шакалы. Или, что еще хуже, меня увидят слонихи, и моя карьера на подиуме водопоя будет официально похоронена!

– Отставить панику, экзотический ты наш сухофрукт! – Толик вылез из заглазированной складки на лбу Андрюши, с трудом отлепив задние лапки от банановой корки. – Ситуация под контролем. Да, стартап с титановым чехлом прогорел. Да, у нас дефицит ликвидных бананов и нулевой баланс. Но кризис – это время возможностей!

Таракан вскочил на вершину ближайшего маленького термитника и принял позу Наполеона.

– Нам нужен ребрендинг и новые инвесторы, – авторитетно заявил он, шевеля усами, на которых все еще висели кусочки элеазарова смузи. – И у меня есть контакт. На южной окраине, в заброшенном авиационном ангаре, обосновался один тип. Попугай Иннокентий. Официально он орнитолог-пенсионер, неофициально – главный криптоаналитик и венчурный капиталист этих джунглей. У него есть доступ к спутниковому интернету и запасам сушеного манго высшей категории.

Андрюша с трудом повернул задеревеневшую шею.

– И зачем Иннокентию мы? Точнее, мое временно недееспособное, липкое тело?

– Ты мыслишь категориями прошлого века, Андрюха! – Толик спрыгнул обратно на слона. – Мы предложим ему долю в нашей новой экосистеме. Кеша давно ищет надежного... гм... крупногабаритного курьера для транспортировки ценных грузов в обход мышиной

таможни. Твой хобот – идеальное шасси для скрытой проводки кабелей связи! А банановая корка на тебе – прекрасный камуфляж под кучу компоста. Зурабовна даже не посмотрит в твою сторону.

В этот момент из недр термитника, на котором только что стоял Толик, раздалось странное, ритмичное шуршание. Земля под ногами слона мелко задрожала.

Из вентиляционного отверстия башни показалась крошечная голова термита в крошечной каске и с крошечным планшетом в лапках. Он строго посмотрел на гигантскую серую ногу Андрюши, которая перекрывала главный эвакуационный выход из гнезда.

– Строительные работы без согласования с ТСЖ «Термитник-4», – пискнул подземный житель. – Нарушение инсоляции жилых помещений. Жильцы верхних ярусов жалуются на тень. Освободите строительную площадку, иначе мы выставяем пени!

Андрюша в ужасе поджал ноги. Джунгли определенно сходили с ума: бюрократия наступала по всем фронтам, и Регина Зурабовна явно была лишь верхушкой этого айсберга.

– Бежим, Толян, они нас завалят штрафами! – взвыл Андрюша, отскакивая от термитника с резвостью испуганного бегемота.

Липкая банановая глазурь при каждом движении трещала и осыпалась крупными желтыми хлопьями, превращая слона в подобие облупившейся статуи из старого курортного парка. Кое-где к сладким бокам уже намертво прилипли сухие листья, веточки и один растерянный жук-навозник, который, кажется, принял Андрюшу за царь-гору своей мечты.

– Курс на юг, к авиационному ангару! – скомандовал Толик, намертво вцепившись в слоновье ухо. – Главное – не заходи в высокую траву, а то соберешь на себя весь гербарий саванны. Мы и так выглядим как передвижная выставка достижений ландшафтного дизайна!

Марш-бросок давался Андрюше тяжело. Припекающее солнце окончательно превратило банановое пюре в монолитный карамельный панцирь. Каждый шаг сопровождался зловещим хрустом. Слон передвигался на полусогнутых ногах, напоминая неуклюжего робота, у которого закончилась смазка.

Через полчаса бамбуковые заросли сменились ржавой колючей проволокой, а среди раскидистых акаций показался исполинский полукруглый свод из гофрированного железа. Это был заброшенный ангар времен какой-то забытой колониальной экспедиции. Крыша местами проржавела, и сквозь дыры внутрь пробивались яркие столбы света, подсвечивая кружащуюся пыль.

На старом крыле полуразобранного кукурузника «Ан-2», подвешенного под самым потолком, сидел огромный попугай ара по имени Иннокентий. На его клюве угнездились круглые очки без стекол, на шее болтался допотопный кассетный плеер, а перед крылом на импровизированном столе из авиационного закрылка стоял работающий на солнечных батареях защищенный ноутбук, к которому тянулся толстый кабель от свисающей с потолка спутниковой тарелки.

– Так-так-так... Капитализация падает, трафик проседает, – бормотал Кеша, яростно лупя крылом по клавиатуре. – Опять эти мартышки из соседнего сектора обвалили курс бананкоина...

– Иннокентий! – громогласно позвал Толик, соскакивая на крыло кукурузника. – Привет венчурным фондам от реального сектора экономики! У нас к тебе эксклюзивное стартап-предложение. Проект «Тяжелый Канал». Сверхзащищенный биосервер на самоходном шасси высокой проходимости!

Попугай медленно сдвинул очки на лоб и посмотрел вниз. Его взгляд сперва упал на Толика, а затем переместился на Андрюшу. Слон уныло стоял внизу, покрытый коркой засохшего пюре, листьями и паутиной, сиротливо поджав хвост.

– Это что за чудо-юдо кондитерское? – скрипучим голосом спросил Кеша, наклоня голову набок. – Вы зачем мне в ангар притащили ростовую куклу бананового кекса? У меня

здесь серьезный бизнес, майнинг-ферма на пальмовом масле работает, а вы мне тут антисанитарию устраиваете!

– Ты не зришь в корень, Кеша! – Толик подбежал ближе к ноутбуку и заговорщически понизил голос. – Это Андрюша. Да, сейчас он на стадии ребрендинга. Но у него идеальные технические характеристики. Пять тонн чистой массы. Внутренний объем хобота позволяет проложить до сорока метров оптоволоконного кабеля. Плюс – встроенный естественный камуфляж. Регина Зурабовна и ее фискалы никогда не догадаются, что эта ходячая куча компоста переносит терабайты зашифрованного трафика в обход центрального провайдера!

Иннокентий задумался. Он поправил очки, спустился по тросу и начал медленно обходить Андрюшу по кругу, постукивая крылом по его задеревеневшему боку.

– Хм... Плотность покрытия хорошая, – пробормотал попугай. – Мышь действительно брезгливая, к такому даже с тесаком не подойдет. Но есть одна проблема, логисты вы мои недоделанные.

– Какая? – синхронно спросили слон и таракан.

Кеша указал крылом на экран своего ноутбука, где яростно мигал красный транспарант: «Внимание! Обнаружена вредоносная активность. Сканирование периметра...»

– Мой радар засек, что за вами тянется цифровой след, – хмуро сказал попугай. – И этот след пахнет дизелем, хлоркой и свежей гербовой печатью. Регина Зурабовна уже вычислила IP-адрес твоего бананового пюре, Андрюша. Она идет сюда. И судя по датчикам, она вызвала эвакуатор.

Времени на размышления не оставалось. Снаружи ангара раздался тяжелый, ни с чем не сравнимый гидравлический гул и скрежет ржавого железа. Регина Зурабовна прибыла не пешком. Из пыльного марева саванны выкатился исполинский бронированный погрузчик-эвакуатор с эмблемой «Департамент благоустройства джунглей». За рулем сидела сама мышь, хладнокровно переключая рычаги лапками в неизменных розовых перчатках.

– Сбой в матрице! Нас зажали! – запаниковал Андрюша, пытаясь спрятать пятитонную тушу за тонкое крыло кукурузника. Крыло с треском отвалилось.

– Спокойно, стартаперы! Включаю план «Б» – экстренное облачное шифрование! – гаркнул Иннокентий.

Попугай взлетел на потолочную балку, выдернул главный кабель из своего ноутбука и сбросил его вниз.

– Толик, лови! Штекер в хобот, быстро! Заземляем трафик через слона!

Таракан в прыжке поймал толстый провод, ловко взобрался по бивню Андрюши и, зажмурившись, с криком «За ВДВ и венчурные инвестиции!» вогнал сетевой штекер прямо в левую ноздрю слона.

Андрюшу мгновенно пронзило терабайтами зашифрованных данных. Глаза слона вспыхнули неоновым-голубым светом, уши начали синхронно вращаться, ловя сигналы спутников, а подсохшая банановая глазурь на боках вдруг засияла бегущими строчками пиксельного кода. Пятитонный мачо превратился в живой квантовый сервер.

В этот момент ворота ангара с грохотом разлетелись. Регина Зурабовна заглушила мотор эвакуатора, хладнокровно сошла по ступенькам на землю и занесла свой гигантский тесак для бумаги.

– Незаконный дата-центр. Нарушение авторских прав на бананкоины. Демонтаж оборудования, – отчеканила она, шагая к Андрюше.

– Стоять, инспекция! – заорал Толик, подключая к хоботу Андрюши старый кассетный плеер Кеша. – Лови пакет данных, Зурабовна! Сверхмощная DDOS-атака чистой ностальгией! Андрюха, выдыхай!

Слон набрал в легкие побольше воздуха и выдал изо всей мощи своего нового цифрового хобота сокрушительный звуковой залп. Но вместо трубного рева из него, усиленный законами

квантовой физики, на всю саванну раздался оглушительный, шипящий и хрипящий звук... модема из девяностых.

«ПІІІІІ-І-І-І-І-І-РРРРРР-КХХХХХХ-ШШШШШУУУУУ-ДИДАНГ-ДИДАНГ!» –
разнеслось над джунглями.

Этот первобытный цифровой шум обладал страшной разрушительной силой для любой упорядоченной бюрократической системы. Регина Зурабовна замерла на полушаге. Ее тесак задрожал. Розовые перчатки судорожно задергались. В глазах-бусинках мыши с бешеной скоростью замелькали системные ошибки Windows 95, а из ушей повалил легкий сизый дым. Такой архаичной и нерегламентированной атаки ее современные базы данных выдержать не могли.

– Системный сбой... Недопустимый формат файла... Очистка кэша... – пробормотала мышь.

Ее лапки безвольно опустились. Мышеарх развернулась на 180 градусов, строевым шагом поднялась обратно в кабину эвакуатора, включила заднюю передачу и на полной скорости уехала обратно в сторону горизонта, оставляя за собой лишь облако пыли. Ее процессор ушел на принудительную перезагрузку, которая должна была занять неопределенное время.

В ангаре повисла тишина. Штекер сам собой выпал из ноздри Андриюши. Неоновое свечение погасло, а засохшая банановая корка от мощной вибрации модного звука окончательно осыпалась на землю идеальным желтым песком. Слон снова был чистым, серым и абсолютно свободным.

Иннокентий плавно спустился с потолка и уважительно посмотрел на команду.

– Ну что, компаньоны... – прокрипел попугай, открывая на ноутбуке свежие графики. – Мышь ликвидирована. Наш кабель выдержал пиковую нагрузку. Курс бананкои́на только что вырос на триста процентов. Я богат. Вы тоже... если, конечно, у вас есть бананкои́ны.

Толик разочарованно развел лапками, стоя на голове Андрюши. Слон аккуратно потрогал свой освобожденный хобот, убедился, что все геометрические пропорции в норме, и довольно зажмурился. Его пятитонное эго не просто вернулось – оно раздулось до размеров целой галактики.

– Я же говорил, Толян, – самодовольно трубнул Андрияша, принимая позу супермодели на фоне ржавого кукурузника. – Настоящий мачо прекрасен в любом формате. Даже в цифровом. Кеша, оформляй контракт. Но с одним условием: в моем райдере теперь должны быть только бананы высшего сорта и никакого дизельного выхлопа!

Джунгли были спасены от бумажного гнета, стартап официально признали успешным, а впереди их ждали новые, еще более абсурдные бизнес-горизонты.

Глава 4. Как затеряться среди искусства, если у тебя хобот

Новое утро встретило саванно-джунгли липким запахом вчерашнего бананового пюре и первобытным страхом. Андрюша сидел под раскидистым баобабом, поджав под себя ноги, и судорожно пытался дышать по системе «квадратного дыхания», которую подсмотрел у Элеазара. Получалось плохо: пятитонное тело содрогалось от малейшего шороха травы.

– Хватит гипервентилировать, Челентано, ты сбиваешь прицел моим штурмовикам! – прикрикнул из-за уха Толик.

Таракан сегодня был в образе: на его голове красовалась каска, сделанная из скорлупы фисташки, а в лапках он сжимал мегафон из скрученного сухого листа. Перед мелким комбинатором, выстроившись в идеально неровную шеренгу, стоял отряд из двенадцати сурикатов. Животные выглядели крайне сурово, на их мордочках были нарисованы черные полосы древесным углем, а в лапах они сжимали остро заточенные бамбуковые палочки.

– Итак, бойцы! – заорал Толик в свой растительный мегафон. – Наша задача – круговая оборона символа мужественности нашего босса! Объект «Хобот» должен быть защищен любой ценой! При появлении серой малогабаритной угрозы – применять тактику «Живой ковер» и брать ее в ментальное кольцо! Вопросы?

Сурикаты дружно отдали честь и начали синхронно и очень быстро перебирать лапками, издавая воинственные звуки: Чик-чик-чик-чик.

– Толик, мне кажется, это плохая идея, – прошептал Андрюша, косясь на свой хобот, который он на этот раз спрятал в старый почтовый ящик, найденный на помойке у гиены Жоры. – Она их даже не заметит. Она пройдет сквозь них, как нож сквозь маргарин... Ее ничто не остановит, Толик! Она хладнокровная рептилия в теле мелкого грызуна!..

– Не паникуй! Я открыл бизнес! – гордо заявил Толик, перебивая слона. – Пока ты дрожишь, корпорация «Смузи Арнольда» уже работает. Мы продаем вчерашнее банановое пюре местным попугаям. Нам нужно отдавать долг Элеазару, иначе этот длинношей пацифист окончательно заблокирует наши чакры своим заземлением.

В ста метрах от них, посреди поляны, Элеазар действительно пытался восстановить экосистему. Он медленно ходил кругами, собирая остатки банановой кожуры и аккуратно складывая их в компостную кучу.

– Земля принимает наши ошибки... – меланхолично вещал динозавр. – Банановый апокалипсис – это лишь урок... Мы должны трансформировать гнев в удобрение...

Топ. Топ. Топ.

Шорох шагов в пожухлой траве заставил сурикатов мгновенно замереть и вытянуться в струнку.

Из-за компостной кучи Элеазара вышла Регина Зурабовна. Белый фартук сиял новизной. В ее лапках вместо привычных режущих инструментов был зажат массивный промышленный степлер для мебели и гигантская коробка со стальными скобами длиной с приличную змею. Ее взгляд был устремлен на почтовый ящик, из которого трусливо доносилось сопение Андрюши.

– Несанкционированное размещение малых архитектурных форм на лицевой части ландшафта, – ровным, как линия горизонта, голосом произнесламышь. – Объект «Ящик» подлежит демонтажу. Объект «Содержимое» – усечению.

– Отряд «Омега»! В атаку-у-у! – истошно заверещал Толик, падая в обморок от собственной смелости прямо в каску.

Сурикаты с боевым кличем ринулись вперед, пытаясь окружить Регину Зурабовну. Они организовали вокруг нее живую стену, мельтеша и создавая хаос. Но мышь даже не замедлила шаг. Она хладнокровно подняла степлер.

ЩЕЛК! ЩЕЛК! ЩЕЛК!

Три стальные скобы вылетели из пазов, пробили пространственно-временной континуум и намертво пригвоздили бамбуковые палочки сурикатов к земле вместе с их шортами из листьев. Отряд «Омега» оказался полностью обездвижен и теперь лишь синхронно крутил головами, напоминая сувенирных болванчиков на приборной панели автомобиля.

Регина Зурабовна перешагнула через командира отряда, подошла к Андрюше и приставила тяжелое дуло степлера прямо к замочной скважине почтового ящика.

– А-а-а-а! Сдаюсь! Я подпишу любые акты капитуляции! – взвыл Челентано.

Он резко дернул головой, почтовый ящик с треском разлетелся, и слон, совершив безумный кульбит назад, полетел спиной вперед точно в гигантскую бочку с готовым банановым смузи, которую Толик приготовил на продажу.

Пять тонн слоновьей массы породили гидродинамический феномен, вошедший в учебники физики джунглей. Желтая, тягучая, обогащенная калием волна высотой с трехэтажный дом вырвалась из резервуара корпорации «Смузи Арнольда».

– Полундра-а-а! Смузи-апокалипсис! – истошно заорал Толик. Его фисташковая каска слетела, и таракана унесло пенным потоком куда-то в сторону баобабов.

Волна накрыла поляну. Сурикаты, все еще пригвожденные скобами к земле, превратились в двенадцать маленьких желтых перископов, которые отчаянно пускали пузыри сквозь банановую массу. Брахиозавр Элеазар, стоявший по колено в жиже, меланхолично закрыл глаза.

– Все возвращается в первородный бульон... – пробормотал динозавр, пока смузи медленно заливало его массивные ноздри. – Наш бизнес-план... захлебнулся в собственном успехе...

Андрюша, отчаянно молотя всеми четырьмя ногами в желтом сиропе, всплыл на поверхность. Его хобот, покрытый слоем пены, напоминал гигантский эклер. Слон тяжело дышал, его нарциссизм окончательно растворился во фруктовой мякоти.

– Я сладкий... Я беззащитный... Она сделает из меня десерт... – всхлипывал «чистокровный мачо», пытаясь вытереть ресницы от липкого сока.

На краю бананового озера стояла Регина Зурабовна. Густая желтая волна, докатившись до ее лапок, послушно остановилась, сформировав идеальный полукруг с радиусом ровно три метра. Ни одна капля не посмела осквернить ее белоснежный фартук. Она критически осмотрела затопленную территорию. Хаос превысил допустимые нормы ГОСТа.

– Засорение дренажной системы ландшафта, – констатировала мышь.

Она невозмутимо залезла в свой бездонный карман и извлекла оттуда предмет, заставивший Андрюшу похолодеть. Это была пластиковая коктейльная трубочка. Ярко-красная, с гофрированным изгибом, но размером с приличную пожарную магистраль. Регина Зурабовна с легким металлическим размахом расправила гофру. ХРРРЯСЬ.

Она опустила один конец трубы в банановое озеро, а второй приставила к своему микроскопическому рту. Ее легкие, вопреки законам анатомии, обладали мощностью промышленного турбонасоса немецкого производства.

ФФФУУУУУУУУУУУУУУУУУП!

Уровень смузи в озере начал стремительно падать со скоростью метр в секунду. Образовалась гигантская воронка, в центр которой с диким воем затягивало все живое. Сурикаты, освобожденные от скоб сокрушительным вакуумом, со свистом улетели внутрь трубы. Следом, отчаянно цепляясь за воздух, полетел Толик.

– А-а-а-а! Нас поглощает черная дыра Мышеархата! – верещал таракан, исчезая в красном пластиковом тоннеле.

Андрюшу, который весил солидно, неумолимо тащило к жерлу трубочки вслед за его хоботом. Гротескные законы Мультивселенной сжали пространство. Огромный слон понимал: если его хобот попадет в этот вакуум, его просто вывернет наизнанку вместе с шелковым прошлым.

– Элеазар! Сделай что-нибудь! примени радикальный пацифизм! – взмолился Андрюша, его задние ноги уже висели над бездной воронки.

Элеазар, у которого из смузи торчала только голова, глубоко вздохнул. Его веганское терпение лопнуло.

– Диета окончена... – меланхолично, но твердо произнес динозавр.

Древний ящер открыл свою пасть размером с гараж и... сделал один-единственный, но колоссальный глоток оставшегося озера вместе с трубой. Законы гидравлики замкнуло. Элеазар перехватил поток. Трубочка в лапках Регины Зурабовны резко дернулась, и вакуумный удар невероятной силы швырнул мышь вперед.

БДЫЩ!

Мышеарх вылетела из своих туфельек, пробила звуковой барьер и, аккуратно вращаясь, словно гимнастка на брусках, улетела в сторону горизонта, оставляя за собой ровный инверсионный след из белой пудры с фартука. Позади нее в воздухе, соблюдая строгую очередность, летели сурикаты, Толик и обломки мебельного степлера.

Наступила оглушительная, противоестественная тишина. Смузи-озеро исчезло без следа. Поляна была вылизана до идеального, почти стерильного блеска, соответствующего лучшим швейцарским стандартам.

Андрюша сидел на пятой точке посреди этого великолепия, глупо моргая. Его хобот, все еще напоминающий эклер, нервно подергивался.

Вдруг высоко в небе раздался нарастающий свист. Через секунду послышалось глухое: «ШЛЕП». «ШЛЕП». «ШЛЕП». Сорвавшись с баллистической траектории, на макушку слона один за другим приземлились двенадцать сурикатов. Последним, издав победный писк, на Андрюшино ухо спикировал Толик. Каски на нем не было, зато усы были лихо закручены, а в лапках он победоносно сжимал оторванную пластиковую гофру.

– Запишите в бортовой журнал: корпорация «Смузи Арнольда» совершила первый суборбитальный полет! – откашлявшись банановой пеной, продекламировал таракан. – Рынок сбыта расширен до верхних слоев атмосферы!

Андрюша не ответил. Он со страхом смотрел на Элеазара.

Брахизавр стоял неподвижно, напоминая гигантский памятник самому себе. Его шея, обычно гибкая и плавная, сейчас была натянута как струна, а огромный живот раздулся до размеров дирижабля. Внутри динозавра происходили вулканические процессы. Оттуда доносилось глухое, ритмичное ворчание, похожее на работу дизельного генератора.

– Элик... – робко позвал слон. – Ты как? Твои чакры... не заземлились намертво?

Динозавр медленно, с достоинством повернул голову к друзьям. Его глаза светились глубокой, почти космической мудростью существа, которое только что познало абсолютное калиевое насыщение.

– Мой внутренний космос... расширился до неприличных масштабов, – меланхолично отозвался Элеазар. Голос его вибрировал, заставляя дрожать выжившие баобабы. – Я чувствую, как пластиковая магистраль Регины Зурабовны пытается вступить в резонанс с моей поджелудочной железой... Это... концептуально.

– Главное, что мы победили! – Толик воинственно затряс лапками. – Мы разгромили бюрократическую машину! Регина Зурабовна улетела на ПМЖ к горизонту! Свобода!

– Я бы не был... столь оптимистичен, – Элезар прикрыл веки и прислушался к урчанию в животе. – Сила действия... равна силе противодействия. Согласно моим расчетам, траектория ее полета была круговой. Скорость вращения фартука создала идеальный гироскопический эффект.

Андрюша медленно сглотнул, чувствуя, как первобытный страх возвращается на базу.

– И что это значит?

– Это значит, – грустно вздохнул динозавр, – что скоро она вернется с противоположной стороны джунглей. И судя по звуковому давлению, которое я улавливаю левым ухом... она уже заходит на посадку. Но теперь у нее в лапах... акт о нецелевом использовании динозавров в качестве очистных сооружений.

Где-то на востоке, за плотной стеной тропического леса, послышался знакомый, леденящий душу звук. Ровный. Неотвратимый. Нарастающий.

– Отряд «Омега»! – мгновенно сориентировался Толик, пиная спящего суриката. – Объявляю тактику «Тактическое отползание в кусты»! Босс, хватай хобот в охапку и бежим, пока она не провела нам полную инвентаризацию!

Пятитонная туша Андрюши сорвалась с места с грацией перепуганного локомотива. Слон мчался сквозь чащу, прижимая многострадальный хобот к груди обеими передними ногами, словно это был не орган дыхания, а редчайшая китайская ваза. На его заливке, намертво вцепившись в складки кожи, сидел Толик и дирижировал эвакуацией. Позади них, выстроившись в идеально неровный клин, беззвучно неслись сурикаты.

Замыкал шествие Элезар. Брахиозавр не умел бегать по определению, поэтому он просто переставлял свои столбообразные лапы с частотой швейной машинки, а внутри его раздутого живота двенадцать тонн бананового смузи издавали звуки яростного шторма.

– Нам нужно укрытие! Срочно! – перекрикивая треск ломающихся деревьев, заорал Андрюша. – Мой внутренний навигатор говорит, что мы бежим по кругу!

– Отставить панику, Челентано! Я все просчитал! – Толик достал из-за пазухи огрызок карандаша и быстро начертил что-то на ухе слона. – В трехстах метрах к югу находится заброшенный склад конфискованных декораций местного драмтеатра. Там мы затеряемся среди искусства!

Через минуту беглецы с треском выломали гнилые бамбуковые ворота и влетели под своды огромного ангара, заросшего лианами. Внутри царил высокохудожественный хаос: повсюду стояли пыльные картонные замки, бутафорские кареты и огромные поролоновые скалы.

– Так, рассредоточиться и мимикрировать! – скомандовал Толик, спрыгивая на землю. – Сурикаты, живо изображаем массовку из «Гамлета»! Элезар... Элезар, ради всего святого, притворись холмистым ландшафтом и не булькай!

Животные восприняли приказ слишком буквально. Один из сурикатов мгновенно схватил чью-то побелевшую бедренную кость, драматически прижал ее к груди и начал беззвучно артикулировать «Быть или не быть», пока остальные одиннадцать падали на гнилые доски, симулируя массовое отравление в финале пятого акта.

Андрюша в панике огляделся. Его пятитонный нарциссизм требовал монументального прикрытия. В углу склада он заметил гигантскую раму от картины, за которой висел пыльный холст с нарисованным альпийским лугом. Недолго думая, слон протиснулся сквозь раму, повернулся боком, поджал хвост и замер, вытянув хобот вверх на манер одинокого векового баобаба.

– Толик, как я выгляжу? – шепотом спросил Андрюша, стараясь не моргать.

– Как шедевр позднего сюрреализма, босс. Сальвадор Дали сошел бы с ума от зависти, уже по-настоящему, – одобрил таракан, заваливаясь под искусственный куст пластиковой сирени.

В ангаре повисла мертвая тишина, нарушаемая лишь утробным урчанием Элезара, который честно пытался дышать через раз, чтобы смузи внутри него не создавало эхо.

Топ. Топ. Топ.

Звук шагов у входа в склад заставил Андрюшу похолодеть до самых кончиков ушей. В проломе ворот показался силуэт Регины Зурабовны.

На ней не было туфелек – она шла босиком, но ее шаги все равно звучали как удары судейского молотка. Белоснежный фартук был идеально отглажен (видимо, за время кругосветного полета она успела поймать восходящий поток горячего уюта). В ее лапках теперь красовался новый инструмент – огромный лазерный дальномер со встроенным принтером для печати штрафных квитанций.

Мышь медленно обвела взглядом ангар. Навела прибор на кучу сурикатов, которые застыли в позах древнегреческих статуй.

– Превышение лимита живой силы на один квадратный метр сценического пространства,
– монотонно произнесла она. Прибор мерзко пискнул. – Штраф.

Она повернула голову в сторону Элеазара. Динозавр изо всех сил притворялся элементом несущей конструкции здания, но его живот внезапно издал громкий звук: «БРРРЛУП».

– Незаконная перепланировка несущих стен с использованием биомассы, – зафиксировала мышь. – Объект подлежит принудительной усадке.

Регина Зурабовна повернулась к картине. Андрюша затаил дыхание, превратившись в абсолютный монолит. Мышь подошла ближе, подняла дальномер и навела красную точку лазера прямо на покрытый банановой пеной хобот слона.

– Нарушение авторских прав и искажение классического пейзажа «Альпийские луга», – ровным голосом отчеканила Регина Зурабовна. – На оригинальном полотне Левитана серые пятитонные баобабы с ушами не предусмотрены. К тому же, левое ухо дерева выступает за границы охраняемой водоохранной зоны холста на двенадцать сантиметров. Гражданин Андрюша, вылезайте из багета. Ваше шелковое прошлое аннулировано за долги по ЖКХ.

Андрюша понял, что это конец. Из его левого глаза выкатилась крупная, как арбуз, слеза и с глухим стуком упала на картонную альпийскую ромашку. Красная точка лазера неумолимо скользила по ресницам Андрюши. Лазерный дальномер в лапках мыши начал со свистом распечатывать бесконечную ленту штрафной квитанции. Ситуация пахла полной конфискацией имущества и принудительным швейным рабством.

Но тут из-под куста пластиковой сирени раздался отчаянный крик Толика:

– Элеазар! Сними клапан! Включай форсаж! И зафиксируйте товарный знак «Смузи-Гейзер-Тур»! – успел добавить таракан, на ходу выписывая в воздухе воображаемый патент.

У веганского динозавра не было выбора. Тектоническое давление двенадцати тонн бананового смузи внутри его желудка достигло критической отметки «100 по шкале апокалипсиса». Элеazar меланхолично посмотрел на потолок ангара, принял позу пусковой установки «земля-воздух» и... открыл пасть.

ΦΥΥΥΥΥΥΥΥΥΥΥΥΥΥΥΥΥΥΥΥΥΥΥΥΥΧ!

Из брахиозавра вырвался калиевый гейзер невиданной мощности. Желтая струя смузи ударила в прогнившую крышу склада, пробила ее и устремилась в стратосферу. Но законы физики Мультвселенной коварны: колоссальная отдача от такого залпа сработала как реактивный двигатель.

Многотонный динозавр, словно космический шаттл, оторвался от земли и на банановой тяге с жутким ревом полетел задом наперед, собирая спиной все декорации ангара. Падающие картонные замки породили эффект домино. Огромная поролоновая скала рухнула прямо на Регину Зурабовну и намертво погребла ее под тремя метрами искусственного мха. Лазерный дальномер жалобно пискнул и затих.

– Получи, министерство подавления! – заорал Толик, выпрыгивая из укрытия. – Отряд «Омега», эвакуация шедевра!

Сурикаты слаженно подхватили раму вместе с Андрюшей, который от страха так и остался стоять в позе картины, и на руках вынесли пятитонного слона из рушащегося ангара.

Час спустя на дальнем пляже лагуны царило абсолютное умиротворение. Банановый кризис был завершен.

Элеazar, полностью опустошенный, худой и просветленный, лежал на песке, подставив брюхо морскому бризу. Его чакры очистились так глубоко, что вокруг головы динозавра слабо светился нежно-желтый нимб. Пластиковую трубочку он благополучно выплюнул – теперь сурикаты использовали ее для каких-то темных дел.

Андрюша сидел у воды и бережно мыл хобот в набегающих волнах. Нарциссизм медленно возвращался к «чистокровному мачо»: он уже придирчиво рассматривал свое отражение, проверяя, не появились ли от стресса первые морщины.

Толик сидел на выброшенном на берег кокосе и с важным видом крутил усы. Перед ним на песке лежала обгоревшая фисташковая скорлупа.

– Ну что, бойцы, – подвел итоги таракан, глядя на закат. – Корпорация «Смузи Арнольда» временно объявляет себя банкротом. Но мы сохранили главное – наши шкуры и хобот босса.

– Так как мы отдадим долг Элеазару? – тихо спросил Андрюша, косясь на динозавра.

– О, у меня уже есть стартап! – глаза Толика азартно блеснули. – Местные крабы жалуются на отсутствие организованной анимации и пляжного фитнеса. Мы откроем бренд «Андрюша и двенадцать спартанцев». Ты будешь главным пилоном, сурикаты – группой поддержки, а я – генеральным продюсером. Попугаи уже кусают локти от зависти!

Слон тяжело вздохнул и подмигнул своему отражению в воде. Жизнь в джунглях постепенно возвращалась в норму.

А далеко-далеко в чаще, под тремя метрами поролоновой скалы, послышался едва уловимый, сухой и абсолютно невозмутимый звук:

ЩЕЛК.

Регина Зурабовна просто перезаряжала степлер. Шоу должно продолжаться.

Глава 5. Хрясь – и пополам!

Вязкие, липкие сумерки накрыли лагуну, которая внезапно потеряла всякие признаки трехмерной физики. Небо было соткано из серого, мертвого бархата. Андрюша обнаружил себя сидящим в кресле-качалке, подвешенном посреди абсолютной пустоты.

Напротив него на старинном расстроенном фортепиано Becker меланхолично лежал брахиозавр Элеазар, из чьих ушей вместо кувшинок выползали живые, шевелящиеся черные муравьи, устремляясь прямо к клавишам. К хвосту динозавра были привязаны две гниющие туши гиен, которые контрабандист Жора безуспешно пытался сдать в аренду Мышеархату.

Андрюша поднял голову. Тонкое, полупрозрачное облако медленно, словно лезвие гильотины, рассекало полную луну, деля ее на две безупречные половины. И в этот же миг чья-то гигантская белая, пахнущая крахмалом лапка приблизилась к его собственному лицу. В лапке тускло блеснула опасная бритва Solingen. Пальцы безжалостно раскрыли веки его правого глаза, но сталь пошла дальше. Острое, холодное лезвие прикоснулось к самому основанию его ухоженного, пахнущего миндальным елеем двухметрового хобота и медленно, с кинематографичной, омерзительной плавностью разрезало его вдоль, словно спелый томат. Из раны вместо крови посыпались мелкие, сухие канцелярские скрепки.

Андрюша проснулся с диким, трубным хрипом, который застрял у него в горле.

Его пятитонное тело было мокрым от холодного пота. Солнце сюрреалистического утра висело над поляной в виде стекающего по баобабу мягкого яичного желтка. Страх перед мышами после этого сновидения достиг терминальной стадии, превратившись в абсолютную, кристально чистую паранойю. Нарциссизм слона совершил суицидальный кульбит.

– Все кончено, Толик, – безумным, севшим шепотом произнес Андрюша, дико косясь на бамбуковые заросли. – Система замкнулась. Если у меня не будет хобота... если я сам... добровольно... лишу себя этой гордости, Мышеархату больше нечего будет урезать. Регина Зурабовна оставит меня в покое. Мое уязвленное либидо требует радикального самопожертвования ради мира в саванне!

Слон судорожно схватил с земли острый обломок кремня и, зажмурив глаза от ужаса, занес его над собственной самцовой гордостью, готовый совершить акт членовредительства.

– Стоять, самурай пятитонный! Аннулирую харакири! – истошно завопил таракан Толик, вылезая из уха в крошечном кашемировом берете парижского художника. – Ты ломаешь весь наш маркетинг, Челентано! Без хобота ты не мачо, а какая-то серая свинья-переросток! Акции всех наших стартапов упадут до нуля!

Но Андрюша его не слышал. Он замахнулся и полоснул по своему достоинству...

Избыточные сто семьдесят сантиметров плоти упали на землю и стали извиваться подобно змее. Слон заверещал от боли и закружился на месте.

Топ. Топ. Топ.

Размеренный, метрономический стук лапок по растрескавшемуся ватману земли заставил друзей замереть на месте. Из сизого тумана, где у фортепиано все еще грустно сидел Элеазар, перебирая кольца шеи, вышла она.

Регина Зурабовна.

Ее белоснежный фартук хрустел от чистоты, а в лапках вместо ножниц был зажат монументальный портновский метр из пожелтевшей слоновой кости. Она даже не взглянула на Андрюшин хобот, который уже перестал извиваться и лежал на земле – печально и бездвижно. Мышь хладнокровно прошла мимо его морды, завернула за массивный круп и остановилась у противоположного конца пятитонной туши.

– Объект «Слон» совершил несанкционированное изменение базовой комплектации тела, – ледяным, лекторским голосом провозгласила Регина Зурабовна. Она приложила метр

к его хвосту. – Однако в ходе внеочередной инвентаризации зафиксирован иной, скрытый дефект ландшафта. Длина объекта «Хвост» составляет ровно метр двадцать сантиметров.

Андрюша испуганно скосил правый глаз назад.

– Метр двадцать... – сухо повторила мышь. – Согласно ГОСТу Высшего Совета по симметрии от 1929 года, норматив на хвостовую плотность для серого холма составляет ровно двадцать сантиметров. Излишек в один метр нарушает радиальную эстетику саванны и создает хаос при движении задом. Приступаю к канонической калибровке и усечению хвостового отростка.

Клик-кляк! Внутри деревянного метра сработал скрытый пружинный механизм, выдвинув бритвенно-острое лезвие.

Психоаналитическое замыкание в мозгу Андрюши произошло мгновенно. Сюрреалистический абсурд ситуации взорвал его логику: он откастрил себе нос, чтобы спастись, а мышь пришла забирать хвост длиной метр двадцать! Его эго, получив такой удар с тыла, мгновенно реанимировало инстинкт самосохранения. Слон понял, что в этом мире невозможно победить Систему уступками – она всегда найдет, что подрезать.

– Мой хвост?! Метр двадцать?! Да это же чистое произведение искусства! – взвыл Андрюша, мгновенно роняя кремь. – Толик, делай хоть что-нибудь!

Толик действовал молниеносно. Пике из уха было коротким. На лету он сорвал с головы кашемировый берет, набил его кремниевой крошкой и, крутанувшись в воздухе, аки безумный пращик, запустил этот снаряд точно в сочленение деревянного метра.

Дзынь! Деревянная кость треснула. Выскочившее лезвие бритвы со свистом срезало верхушку бамбука в трех метрах от них и улетело в сизый туман.

– Контратака, Челентано! Врубай задний ход! – истошно заорал Толик, приземляясь на мышинный фартук и намертво вцепляясь Регине Зурабовне в накрахмаленные завязки.

Мышь не издала ни звука. Вместо этого из ее пасти раздался сухой, металлический скрежет перегруженного редуктора. Ее лапки превратились в белое размытое пятно – она бросила сломанный метр и прыгнула прямо на Андрюшин круп, намереваясь зубами совершить каноническую калибровку хвоста.

Андрюша от ужаса выдал такой трубный визг, что расстроенное фортепиано «Беккер» на том конце лагуны само по себе сыграло траурный марш Шопена. Пятитонная туша слона взвилась на дыбы, нарушая все законы гравитации.

– Сними ее с меня! Толик! Она щекочется! Она режет! – вопил Андрюша, крутясь на месте безумным волчком.

Тем временем отрезанный стосемидесятисантиметровый кусок хобота на земле вдруг зажил своей суверенной, кошмарной жизнью. Не имея больше связи с мозгом слона, он подчинялся исключительно змеиным рефлексам. Изрыгая тучи ржавых канцелярских скрепок, хобот взвился над ватманом земли и, словно гигантский кожаный кнут, с оглушительным щелчком обрушился на спину Андрюши, пытаясь сбить засевшую там Регину Зурабовну.

Удар был такой силы, что с баобаба лавиной посыпались мягкие яичные желтки, заливая поляну склизкой сюрреалистической яичницей. Мышь отбросило в сторону, но она перегруппировалась в воздухе и, выставив вперед когти, похожие на портновские булавки, снова полетела на слона.

– Андрюха, хватай обломок кремня! Руби бамбук! – орал Толик, удерживаясь на безумно вращающемся хвосте слона, как ковбой на родео. – У нас тут не лагуна, у нас тут Куликовская битва!

Отрезанный хобот, почуяв вкус свободы и ярости, окончательно перешел в режим автономного хищника. Он выгнулся дугой, уперся основанием в залитую желтком землю и издал утробный, свистящий клоачный звук. Канцелярские скрепки внутри него заскрежетали, словно патроны в пулеметной ленте.

Регина Зурабовна, собиравшаяся в очередной раз атаковать слоновий круп, замерла в воздухе. Ее безупречный расчет дал сбой. Забюрократизированный мозг мыши не был готов к тому, что ампутированная деталь ландшафта проявит признаки несанкционированной агрессии.

Хобот крутанулся на месте и с яростным свистом обрушился на точку приземления мыши.

Бум! Ватман земли лопнул, обнажив под собой абсолютную серую пустоту. Регина Зурабовна едва успела отпрянуть, но ее идеальный накрахмаленный фартук теперь был безнадежно испачкан яичным желтком и копотью.

– Нарушение протокола утилизации! – ледяным, но впервые сорвавшимся на фальцет голосом пропищала она. – Объект проявляет деструктивную суверенность!

Но хоботу-убийце было плевать на регламент. Он почуял запах страха. Словно гигантская анаконда из кошмаров Сальвадора Дали, он начал стремительно сворачиваться в кольца, оттесняя мышь к бамбуковым зарослям. Из его открытого среза, как из пушки, шквальным огнем полетели острые, закрученные канцелярские скрепки. Они вонзались в землю вокруг Регины Зурабовны, формируя для нее стальную клетку.

Мышь заметалась. Ее хваленая хладнокровная логика капитулировала перед чистым, первобытным насилием. Она попыталась выставить перед собой обломок портновского метра, но хобот резким, хлестким ударом выбил кость из ее лапок и загнал несчастную грызунью на ствол баобаба.

– Получай, канцелярская крыса! Почувствуй дефицит бюджета! – истошно орал Толик, прыгая от восторга на голове Андрюши.

Андрюша, все еще безносый, истекающий скрепками и тяжело дышащий, с диким восторгом наблюдал, как его собственная бывшая гордость гоняет по поляне главный ночной кошмар всей его жизни. Роли переменились: теперь безжалостный судья саванны в панике перебирал лапками по коре, спасая свой хвост от слепых, яростных ударов кожаного кнута.

Забыв про королевскую осанку, Регина Зурабовна пулей металась по стволу баобаба, оставляя на древесной коре глубокие царапины от портновских булавок-когтей.

Хлесткий удар хобота настиг ее на приличной высоте. Кожаный кнут с треском разнес толстый сук, на котором она только что сидела. Фонтан щепок и брызги липкого солнечного желтка полетели во все стороны. Мышь, пища от невиданного доселе ужаса, сделала сальто назад и зацепилась хвостом за лиану.

Хобот-убийца не унимался. Не имея глаз, он ориентировался по шороху крахмального фартука. Он изогнулся латинской буквой «S» и начал закручиваться вокруг ствола баобаба, как гигантский винт, методично сдирая кору и зажимая мышь в тиски.

– Корректировка! Отмена инвентаризации! – истошно визжала Регина Зурабовна, качаясь на лиане и судорожно поджимая лапки. – Объект «Слон» признан полностью укомплектованным! Слышите?! Амнистия хвоста!

Но автономный кусок плоти амнистий не признавал. Он совершил мощный рывок вверх. Из его среза пулеметной очередью вылетела новая порция канцелярских скрепок. Они намертво пригвоздили края белоснежного мышинового фартука к дереву, превратив Регину Зурабовну в живую мишень.

Мышь задержалась, пытаясь вырваться из текстильного плена. Лапка с опасной бритвой «Золинген» безумно закрутилась в воздухе, но хобот хлестким, издевательским щелчком выбил бритву. Оружие со свистом улетело в бамбук.

Хобот замер прямо перед ее носом. Его открытый, сочащийся металлом срез ритмично раздувался, словно капюшон кобры. Из темноты плоти медленно выдвинулась одна-единственная ржавая гигантская канцелярская скрепка, согнутая в виде зловещего рыболовного крючка. Она нацелилась прямо на мышьиные уши.

– Толик, смотри, она плачет! Великая мышь плачет сухими чернилами! – протрубил Андрюша, прыгая на трех ногах от восторга. Из его собственной раны на морде от смеха вывалилась еще пара скрепок.

Регина Зурабовна в панике рванулась вперед, с мясом выдирая пуговицы из своего легендарного фартука. Оставив хрустящую спецодежду распятой на баобабе, голая, серая и намертво перепуганная мышь кубарем покатилась по траве, стремясь укрыться в лабиринте старинного фортепиано Becker, где все еще меланхолично лежал брахиозавр Элеазар.

Хобот с утробным урчанием ринулся следом, пересчитывая кольцами шеи растрескавшийся ватман земли.

Голая и опозоренная Регина Зурабовна неслась по фортепиано со скоростью испуганного звука. Ее розовые лапки вжимали клавиши в пол, из-за чего инструмент издавал безумную, рваную какофонию.

Хобот-убийца не отставал. Он скользил сзади, словно черный асфальтоукладчик, сминая педали и вырывая из деки старинные струны, которые с оглушительным гитарным воем лопались в воздухе. Меланхоличный ящер Элеазар, до этого безучастно лежавший на крышке, от такого перформанса удивленно моргнул. Из его ушей испуганным фонтаном брызнули черные муравьи, заполонив всю клавиатуру.

– Назад! Нарушение санитарных норм! – пищала мышь, пытаясь забиться под чугунный рамный блок инструмента.

Но хобот совершил тактически безупречный маневр. Вместо того чтобы лезть в узкую щель, он со всей дури лупанул по опорной ножке фортепиано. Тяжеленный Becker накренился и с грохотом рухнул, похоронив под собой остатки мышиногo величия. Регина Зурабовна едва успела выскочить через отверстие для педалей, но ее длинный голый хвост оказался намертво прижат многокилограммовым лакированным крылом инструмента.

Мышь оказалась в ловушке. Она обернулась и зажмурилась: прямо над ней, закрывая небо из мертвого бархата, вырос хобот. Он раздувался от ярости, готовый совершить финальный акт возмездия.

Регина Зурабовна распласталась по клавишам. Ее лапки мелко дрожали. Хобот взвился вертикально вверх, завязался в тугой, пульсирующий узел и с поршневой силой обрушился вниз, намереваясь превратить мышь в сухое фиолетовое пятно.

В этот критический миг Андрюша, доселе парализованный восторгом, осознал страшное. Его хобот-беспредельщик, не подчиняющийся никаким законам, гораздо опаснее Мышеархата.

– Мое уязвленное либидо подождет! – протрубил слон из разорванной гортани.

Пятитонная туша Андрюши рванула вперед с грацией падающей скалы. За секунду до удара слон выставил мощную переднюю ногу, подставляя массивную подошву под удар собственного взбесившегося носа.

Бум! Звук столкновения плоти о плоть расколол лагуну напополам. Треснувший ватман земли под ними окончательно разошелся, и в образовавшуюся серую трещину лавиной хлынули черные муравьи Элеазара.

Хобот от мощного противодействия отпрянул, зашипел и начал стремительно сворачиваться в кольца вокруг слоновьей ноги, пытаясь задушить своего бывшего хозяина. Канцелярские скрепки внутри него защелкали с частотой пулемета Максима, вонзаясь в кожу Андрюши.

– Толик, хватай бритву! Бритвой руби! – истошно взывал Андрюша, пытаясь стряхнуть с себя сто семьдесят сантиметров разъяренной плоти.

Толик, сидевший на макушке слона, не растерялся. Сделав сальто назад, он рыбкой нырнул в заросли бамбука, куда ранее улетела опасная бритва «Золинген». Инструмент парижского кутюрье был для крошечного насекомого неподъемным, но Толик уперся ногами в бамбуковый стебель и, используя его как рычаг, навалился всем телом на рукоять.

– Я Арнольд! – закричал Толик. – И я аннулирую суверенитет!

Высвобожденное лезвие тускло блеснуло в лунном свете и, описав идеальную дугу, рухнуло точно на сочленение, где хобот пытался задушить слоновью голень. Острая сталь рассекла взбесившийся орган пополам.

Вместо крика хобот изрыгнул гигантское облако ржавой металлической пыли и бесильно опал на клавиши фортепиано, придавив собой окончательно лишившуюся чувств Регину Зурабовну. Лагуна вокруг них начала стремительно терять яркость, превращаясь в плоский, блеклый карандашный набросок.

Набросок мира трещал и осыпался графитовой крошкой. Полная луна, рассеченная пополам, окончательно развалилась. Ее половинки повисли в пустоте, как два увядших бумажных полукруга.

Андрюша тяжело дышал, глядя на то, что осталось от его гордости. Два куса некогда ухоженной плоти лежали на клавишах Becker, покрытые ржавой скрепковой пылью. Под ними, придавленная лакированным деревом, слабо шевелилась голая Регина Зурабовна. Ее наполеоновский пыл угас. Она тихо, монотонно пицала на частоте сломанного радиоприемника.

– Система форматируется, Челентано! – Толик тяжело взобрался обратно на слоновье ухо, волоча за собой остатки кашемирового берета. – Если мы не вернем бренд этой истории на место прямо сейчас, ты станешь бесперспективной серой заготовкой! Капитализация стремится к дефолту!

Слон судорожно кивнул. Первобытный страх перед Мышеархатом отступил, его место занял ужас перед перспективой стать «серой свиньей-переростком».

Андрюша опустился на колени перед разбитым фортепиано. Из его разорванной гортани вырвался глухой, свистящий звук. Он прижал окровавленный торец морды к первому, ближайшему куску хобота.

Ничего не произошло. Сухая плоть оставалась мертвой. Лишь пара скрепок лениво звякнула внутри среза.

– Не держит! Магнитное поле нарушено! – в панике закричал Толик, колотя лапками по слоновьей коже. – Нужен связующий элемент! Нужен катализатор, Андрюша! Посмотри на мышь!

Регина Зурабовна, почувствовав близость финала, внезапно вытянула лапку из-под крыла инструмента. В ее когтях тускло блеснул обломок пожелтевшего портновского метра из слоновой кости – тот самый, со скрытым пружинным механизмом. На тонком кончике кости запеклась капля ее собственной фиолетовой чернильной крови.

– Несанкционированная... сборка... – прошелестела мышь, из последних сил тыча обломком метра в сторону слоновьей морды. – Допускается... в порядке... исключения... по спецтарифу...

Она не собиралась сдаваться. Даже умирая в уплывающем сне, Система пыталась навязать свои условия и зафиксировать сделку.

– Спецтариф?! На фоне тотального дефолта?! – взвился Толик, но Андрюша уже принял решение.

Времени на торги не оставалось. Графитовый контур баобаба на заднем плане окончательно растворился, превратившись в грязное серое пятно. Лагуна сворачивалась внутрь себя, словно горящий рулон обоев.

Слон зажмурил глаза и резко вдавил разорванную морду прямо в обломок пожелтевшего метра, который протягивала мышь. Острый обломок из слоновой кости с хрустом вошел в плоть, став импровизированным штифтом. В тот же миг фиолетовая чернильная кровь Регины Зурабовны вступила в дикую химическую реакцию с ржавой пылью канцелярских скрепок.

Клик-клак!

Скрытый пружинный механизм внутри метра сработал в обратную сторону. Раздался мощный металлический всасывающий звук. Два куска откастрированного хобота, лежавшие на клавишах, резко взмыли в воздух, словно послушные змеи, и намертво примагнитились обратно к слоновьей морде.

Цепочки скрепок внутри плоти начали бешено вращаться, сшивая ткани со скоростью швейной машинки «Зингер». Андрюша выгнулся дугой от пронзительного электрического разряда, прошившего все его пять тонн. По восстановленному хоботу сверху вниз пробежала неоновая фиолетовая волна, намертво запечатав шрамы.

– Работает! Капитализация растет! – истошно заорал Толик, едва удерживаясь на вибрирующем слоновьем ухе.

Андрюша резко вдохнул. Воздух с трубным, свистящим ревом хлынул через воссоединенный орган. Слон победоносно взмахнул своим двухметровым достоянием, пахнущим теперь одновременно миндальным елеем, крахмалом и канцелярским клеем.

Регина Зурабовна, лишившись своего главного артефакта, окончательно обмякла. Ее лакированный хвост, освобожденный от пружинного давления метра, выскользнул из-под фортепиано. Мышь превратилась в крошечный, блеклый двадцатиграммовый комок серой шерсти.

Последнее, что увидел Андрюша перед тем, как окончательно потерять сознание, – это брахиозавр Элеазар, который меланхолично перебирал клавиши фортепиано, извлекая из него рваные аккорды.

Андрюша очнулся от собственного резкого победного трубного звука, эхом разнесшегося по саванне.

Он лежал на боку в густой траве. Солнце – нормальное, круглое, горячее солнце, а не стекающий желток – приятно припекало его массивный бок. Первым делом слон судорожно повел носом. Хобот был на месте. Целый, гибкий, идеально ухоженный. Нарциссическое эго слона мгновенно вернулось на прежний, недостижимый уровень.

– Живой, Челентано? – раздался сонный, ворчливый голос из уха.

Толик лениво высунул нос наружу, потирая крошечные лапки. Его кашемировый берет, совершенно целый и чистый, сидел на голове под идеальным парижским углом.

– Ну и приключение, – пробормотал Андрюша, с наслаждением срывая хоботом пучок сочной зелени. – Эта мышь... эти скрепки... Я чуть не совершил ужасное, Толик.

– Забудь, это просто издержки перепроизводства и плохой предпродажной подготовки, – зевнул кризис-менеджер, устраиваясь поудобнее. – Главное, бренд спасен. Акции холдинга в безопасности. Кстати, Андрюша... поворачивай-ка ты голову направо. Кажется, наш маркетинг требует срочного вмешательства.

Андрюша послушно повернул голову и замер. У кромки бамбуковых зарослей, аккуратно сложив лапки на белоснежном, хрустящем от чистоты фартуке, стояла Регина Зурабовна. В ее зубах был зажат крошечный, идеально ровный кусочек пожелтевшей кости.

Мышь у бамбуковых зарослей не двигалась. Она стояла на задних лапках с монаршей неподвижностью. Солнечный луч остро блеснул на глянцевом боку костяного артефакта в ее зубах.

У Андрюши внутри все похолодело. Фантомный запах миндального елея и ржавого железа мгновенно забил рецепторы. Пятитонное тело слона мелко задрожало.

– Толик... – севшим, сиплым шепотом выдавил он, пятясь задом и ломая хвостом сухой бамбук. – Это она. Регина Зурабовна. Она пришла за остатком долга по спецтарифу.

– Отставить панику, самурай! – Толик пулей выскочил на слоновий лоб и принял боевую стойку.

Мышь медленно разжала зубы. Обломок кости с сухим, канцелярским стуком упал на землю. Грызуня хладнокровно посмотрела на Андрюшу своими черными, лишенными зрачков глазами-бусинами, затем повернулась и неспешно скрылась в густой траве. Из чащи раз-

дался едва слышный, ритмичный стрекот, подозрительно похожий на скрежет ножа, проходящего по точильному камню.

Андрюша судорожно выдохнул и осторожно ощупал хоботом то место на морде, где должен был проходить шов. Кожа была безупречно гладкой. Никаких скрепок.

Слон поднял хобот к настоящему, чистому небу и издал оглушительный, победный трубный рокот, от которого с ближайшего баобаба испуганной тучей взлетели птицы. Бренд был защищен, либидо восстановлено, а пятитонная гордость саванны снова сияла в лучах заходящего солнца.

– Вот и все, Челентано, – ухмыльнулся Толик, поправляя свой кашемировый берет. – Кризис миновал, но завтра она вернется. А теперь шагом марш на водопой. Нам еще нужно утвердить рекламную кампанию на третий квартал.

Глава 6. В то время как наши подлодки бороздят просторы саванны...

Утро выползло на гнилую просеку грязным, серо-зеленым нарывом, от которого за версту разило протухшей капустой, мазутным перегноем и жидким навозом. Солнце походило на мутную, засиженную мухами армейскую бляху, едва пробивающуюся сквозь сизый дым подпольного отстойника гиены Жоры.

Слоник Андрюша – облезлый, испачканный и окончательно потерявший всякий лоск – сидел на мшистой коряге посреди глухой чащобы. Из-за отсутствия шелковой рубашки его пятитонная туша была покрыта коркой засохшего навоза и мазута, а на голове сиротела помятая, дырявая кастрюля, которую Толик выдал за «командирский шлем». Его гордость, его двухметровый хобот – предмет былых нарциссических утех – уныло свисал прямо в лужу с квашеной рукколой. Они сидели на гауптвахте, хотя не помнили, кто и за что их туда посадил. Наверняка Регина Зурабовна, кто же еще!

– Докатился, нах... – хрипло, со свистом выдавил слон, размазывая грязь по ушам. – Чистокровный, сука, мачо... Самец... Гроза джунглей и саванны... Сижу в этой яме, как скотина на убое. От меня воняет, как от протекшего биореактора. Мое либидо сдохло, Толик. Зачем мы вообще живем?

– Да ладно тебе, братишка, философствовать! Ну ты чего? Расслабься! – раздался из складки на его шее веселый, но абсолютно безумный, пропитой голос.

Таракан Толик сегодня окончательно слетел с катушек на почве армейского абсурда и доступного спирта. На его помятой хитиновой морде со сломанным усом красовался грязный зеленый чепец, в лапке он сжимал ржавый консервный нож, а от него самого разило Жориной сивухой так, что мухи дохли на подлете.

– Я тебе сейчас историю расскажу! Хорошую, о том, почему у азиатских слоних бивней не бывает! – верещал карманный сумасшедший, прыгая Андрюше прямо на ноздрю. – Кстати, о бивнях. Жора нам три пузыря первача подогнал под залог твоего левого клыка! Мы сейчас бахнем, и я тебе расскажу! Давай, братишка, труби побудку! Овсянку принесли!

– Толик, шел бы ты к такой-то матери со своими историями, – уныло протрубил слон, отпихивая таракана кончиком носа. – У меня от твоего первача в желудке черви маршируют, а левый бивень зудит и шатается. Сними с меня этот казан, он мне коронную чакру давит.

Поодаль, в заросшей репейником и мазутом канаве, тяжело дышал сорокатонный брахиозавр Элеазар. Пятиэтажный веган-пацифист в этом трэш-сеттинге выглядел как контуженный полковник в отставке, окончательно разочаровавшийся в мироздании. Его чешуйчатая шея, согнутая унылой водопроводной трубой, была обмотана грязной тряпкой, а в пасти он меланхолично зажал кусок старого сапога, заменявшего ему утренний детокс.

– Весь этот мир – просто куча навоза... – глухо, как из пустой цистерны, пробасил Элеазар, выпуская изо рта зеленую слюну. – Твои истории, Толик, не починят мироздание... Мы все здесь сгнием, ко всем баобабам... Капитан, прикажи им принести черпак первача, у меня в чакрах засор...

Вдруг прибрежные заросли крапивы и колючей лебеды с треском раздвинулись. Из тумана, ломая гнилой бамбук идеальной, геометрически выверенной линией, вышла она.

Регина Зурабовна предстала в образе роботизированного начальника гауптвахты Мышеархата.

Ее серый клеенчатый фартук был заляпан мазутом, но завязан на безупречный, уставной бантик. В лапках вместо лазеров зловеще поблескивали ржавые, зазубренные портновские ножницы со следами засохшей крови предыдущих объектов, подвергшихся принудительному

обрезанию. Ее бусинки-глаза горели холодным, мертвенным светом тотальной зачистки. Для нее двухметровый хобот Андрюши был просто некондиционным излишком плоти, нарушающим устав внутренней службы свалки.

– Нарушение дисциплины в закрытом секторе, незаконная спекуляция Жориным первачом и превышение допустимых габаритов туши, – ледяным, пропитым голосом просипела Регина Зурабовна. Она наставила зазубренное лезвие прямо на кончик хобота Андрюши. – Этот отросток не соответствует строевому уставу. Приступаю к ампутации и чистке ландшафта по первому разряду.

Клик-кляк! Лезвия ножниц сошлись с противным, тупым металлическим скрежетом.

Детский страх Андрюши, идущий из трехмесячного возраста, парализовал его пятитонное тело. Полоса его ухоженного мачизма мгновенно обнулилась.

– Начальник! Не надо! Я сам все уберу! Я котелок помою! – истошно, девчоночьим визгом затрубил слон, пытаясь спрятать нос под ржавый прицеп.

– В глаза ей плюй, Челентано! Проволоку мотай! – заорал Толик, сходя с ума от похмельного угара и швыряя в мышь куском квашеной рукколы. – Я полковник Арнольд! Я здесь команду!

Но Регина Зурабовна даже не моргнула. Она хладнокровно сделала один безупречный уставной шаг вперед, занося ножницы над завязавшимся в узел носом слона.

В этот критический момент, когда зазубренная сталь уже коснулась покрытого мазутом кончика хобота, брахиозавр Элеазар тяжело, со стоном перевалился на другой бок. Сорокатонная туша пацифиста издала звук, похожий на падение груженого щебнем самосвала в болотную жижу.

– Твои ножницы, Регина... – простуженно пророкотал из канавы древний гигант, даже не открывая глаз. – Это лишь иллюзия контроля над энтропией... Ты режешь плоть, но засор в моих чакрах остается... Капитан, отмените казнь, у меня от этого скрежета мигрень в районе третьего позвонка...

Мышеарх остановилась. Ее левое ухо дернулось с едва слышным сервоприводным писком. Жесткий уставной регламент Регины Зурабовны на секунду завис, столкнувшись с необходимостью принуждения к порядку пятиэтажного вегана.

Толик, оценив тактическую паузу, развил бешеное наступление.

– Отставить упадничество, личный состав! – взвизгнул он, воинственно размахивая консервным ножом. – У нас на фланге тяжелая артиллерия проснулась! Андрюха, чего замер? Включай реверс, дурила! Ща мы ей усы-то укоротим по строевому стандарту!

Но слон Андрюша был слишком занят спасением своего главного нарциссического органа. Пользуясь тем, что внимание Регины переключилось на меланхоличного ящера, он резко, с позорным всхлипом втянул хобот в себя, свернув его на манер пожарного шланга, и намертво зажал между передними ногами. Дырявая кастрюля с тихим звоном съехала ему на правый глаз, окончательно лишив слона остатков боевого духа.

– Я не мачо... – жалобно просипел Андрюша из-под казана. – Я просто большая серая гусеница... Толик, заткни хлебало, пожалуйста. Она же нас обоих на ветошь пустит...

Регина Зурабовна медленно повернула голову к Толику. Ее бусинки-глаза зафиксировали нарушителя. Портновские лезвия совершили короткое предупреждающее «клик».

– Попытка мятежа на гауптвахте, – констатировала она, и в ее сиплом голосе послышался шелест расстрельных списков. – Подстрекательство крупногабаритного контингента к неповиновению. Внеочередная чистка ландшафта объявляется открытой.

Она сделала еще один безупречный, геометрический шаг к слоновьей морде, на которой, задыхаясь от собственной дерзости, прыгал нетрезвый таракан. Ситуация пахла уже не просто протухшей капустой, а неминуемым трибуналом внутренней службы свалки.

Толик понял: отступать некуда. Позади была крапива, впереди – расстрельные лезвия Мышеархата, а под лапками – окончательно деградировавший до состояния ветоши пятитонный мачо. Сама атмосфера гнилой просеки требовала финального, самого абсурдного аккорда.

– Ах так, комендатура?! – истошно взвыл Толик, срывая с головы грязный зеленый чепец.
– На таран пошла, канцелярская крыса?! Андрюха, держи коронную чакру, ща рванет!

Таракан сорвал с пояса мутную чекушку с остатками Жориной сивухи, зубами выдрал грязную тряпичную затычку и, совершив безумное сальто назад, со всей силы шарихнул бутылкой по ржавому казану на голове слона.

Бам-м-м! Кухонный набат разнесся по чащобе. Чекушка разлетелась вдребезги, оглушив Андрюшу и окатив его кастрюлю горячим первачом, который тут же водопадом хлынул вниз – прямо в лужу с мазутным перегноем.

В ту же секунду Толик чиркнул трофейной спичкой о собственный хитиновый бок и швырнул огонек в эту лужу с рукколой и спиртом. Мазутный перегной, пропитанный дегтярным спиртом, отозвался мгновенно. Болото ухнуло. Сизое пламя лениво, но неотвратимо поползло по заросшей канаве, окутывая Регину Зурабовну облаком высокооктанового перегара. Мухи на подлете не просто дохли – они детонировали в воздухе мелкими искрами.

– Нарушение правил пожарной безопасности в закрытом периметре... – безэмоционально зафиксировал сервопривод в голове Регины Зурабовны.

Ее левый ус задымился, а клеенчатый фартук начал стягиваться от жара, нарушая безупречный уставной бантик. Мышь на секунду замерла, высчитывая индекс штрафных санкций за поджог госимущества, и этот миг стал решающим.

Сорокаторный Элеазар, до этого момента пребывавший в глубоком нирваническом анабиозе, почувствовал, как пламя лизнуло его левую пятку. Глаза пятиэтажного вегана распахнулись. В них отразился весь ужас бытия.

– Опять... тепловой контур... сервера полетели... – апокалиптически пробасил ящер.

Элеазар судорожно дернулся. Его чешуйчатый хвост, похожий на ствол векового дуба, совершил слепой, хаотичный мах в пространстве. Свист рассекаемого воздуха оборвался глухим, сочным хрустом.

Хвост впечатался точно в ржавый прицеп, под которым прятал нос слон Андрюша. Прицеп отлетел на три метра, подмял под себя кусты колючей лебеды и намертво придавил Регину Зурабовну вместе с ее зазубренными портновскими ножницами. Из-под груды ржавого железа послышался глухой металлический скрежет, писк заклинившего мотора и финальное, затухающее: «Сни... же... ние... ран... га... до... ве... то... ши...»

На просеке повисла звенящая, пахнущая паленым хитином тишина.

Андрюша медленно приоткрыл левый глаз. Прицепа не было. Мыши тоже. Только из-под ржавого днища одиноко торчало одно лезвие ножниц.

– Мы... мы ее победили? – шепотом протрубил слон, все еще сжимая хобот между ног.

– А я что говорил?! – Толик победно запрыгал на сморщенной ноздре Андрюши, воинственно размахивая обгоревшим усом. – Чистая тактика! Фланговый обход силами тяжелой артиллерии! Слышь, Элик, тебе от командования личная благодарность перед строем! И черпак! Целый черпак из Жориных запасов!

Элеазар на это ничего не ответил. Он лишь меланхолично выплюнул кусок обгоревшего сапога, перевел взгляд на сизое небо и тихо, с глубоким вздохом закрыл глаза, снова погружаясь в созерцание своего внутреннего засора.

Из тумана, со стороны подпольного отстойника, наполненного стратегическим запасом жидкого навоза, послышался тяжелый хруст шагов и характерное, утробное хихиканье. К гнилой просеке, пошатываясь и волоча за собой канистру с новой партией мазутного первача, выходил сам гиена Жора.

Контрабандист вывалился из зарослей репейника, как плохо анимированный босс из дешевой постапокалиптической игры. Его пятнистая шкура местами облезла до розового мяса, на шее болтался воротник от старой генеральской шинели, а морду кривила вечная, застывшая в судороге ухмылка.

В лапах Жора бережно, как грудного младенца, прижимал двадцатилитровую пластиковую канистру с мутной, пузырящейся жидкостью цвета болотного заката.

– Хи-хи-хи... Здорово, орлы! Ну и амбре у вас тут, прямо как в лучшие годы на мясокомбинате! – Жора шумно втянул носом воздух, из-за чего мухи, едва успевшие воскреснуть после толикова пожара, снова посыпались на землю. – Гляжу, комендатуру под прицеп определили? Уважаю, ёптыть. За такую приватизацию госимущества с меня причитається!

Контрабандист с глухим стуком опустил канистру прямо перед Андрюшей. Слон мельком глянул на булькающее варево, и его желудок мгновенно отозвался уставным маршем взвода голодных червей.

– Жора... – уныло, со свистом выдохнул Андрюша, не разжимая хобота. – Убери это. От одного запаха твоей сивухи у меня левый бивень начинает вибрировать на частоте похоронного марша. Нам бы... детокса какого. Минералочки бы... или хоть рукколы свежей, не квашеной.

– Какая минералочка, Челентано?! Ты в своем уме?! – Толик аж подпрыгнул на слоновьей ноздре, отчего Андрюша чихнул, едва не сдув таракана в канистру. – Война на пороге. Мышеархат, сука, бессмертен, а ты о диете думаешь?! Жора, здорово, чертяка! Наливай по первой строевой! Мы тут, считай, родину спасли от тотальной зачистки!

Толик ловко перепрыгнул на крышку канистры и начал яростно крутить ее лапками, пытаясь сорвать резьбу.

Жора, однако, хихикать перестал. Его желтые глаза сузились, зафиксировавшись на левой стороне слоновьей морды.

– Налить-то я налью, Толян... – протянул гиена, и в его голосе прорезались откровенно коллекторские нотки. – Только уговор помнишь? За прошлые три пузыря первача под залог шел левый бивень Андрюхи. А сейчас я вам свежак припер – «Гиений экстаз», двойная перегонка на старых аккумуляторах! Так что, Андрюша, давай, подставляй инструмент. У меня как раз в шинели ножовка завалялась. Чик – и в расчете!

Андрюша от ужаса мгновенно забыл про заклинившую коронную чакру. Он резко отшатнулся назад, глухо стукнувшись пятитонным крупом о многострадальный баобаба. Кастрюля на его голове съехала теперь на левый глаз.

– Толик... Ты что, гнида мелкая, мой бивень пропил?! – истошно протрубил слон, и из его правого глаза выкатилась грязная слеза величиной с арбуз. – Мой левый?! Единственный симметричный элемент моего экстерьера?!

– Да ладно тебе, Андрюха, не будь эгоистом! – отмахнулся Толик, все еще борясь с крышкой. – Зато правый останется! Будешь ходить как этот... как пират! Модно, брутально! Жора, хорош пугать личный состав, тащи ножовку, ща мы этот вопрос юридически закроем!

В этот момент из-под ржавого прицепа, который намертво придавил Регину Зурабовну, раздался странный, нарастающий звук. Это было не сипение и не шум мотора. Это был монотонный, ритмичный писк электронного зуммера: «Пип... Пип... Пип...»

Сорокатонный Элеazar в канаве вдруг приоткрыл один глаз и апокалиптически пробасил: – Конец сессии... Несохранные данные будут утеряны... Я выхожу из системы...

Но уйти из системы вегану-пацифисту не удалось. Смертоносный таймер Мышеархата оборвался не взрывом, а резким, леденящим душу механическим щелчком. Ржавый прицеп с грохотом взлетел на воздух, рассыпавшись на куски, но не от детонации, а от чудовищной гидравлической силы, поднявшейся из глубин свалки.

Из мазутной воронки медленно, как титанический поршень, поднялась абсолютно целая, монолитная фигура. Жесткий диск уставного разума Регины Зурабовны нельзя было отфор-

матировать дешевой сивухой. Ее серый клеенчатый фартук, теперь обьятый тусклым неоновым свечением, завязался обратно на идеальный бантик. Зазубренные портновские ножницы в ее лапках трансформировались, раздвигаясь в ширину и превращаясь в два огромных, лязгающих промышленных резака.

– Обнаружена критическая ошибка протокола. Переход в режим тотальной принудительной архивации контингента, – пропитой сиплый голос теперь дублировался стальным отзвуком цифрового трибунала.

– Мама родная... Администратор сервера вернулся! – Жора в ужасе бросил ножовку, схватил свою канистру и с резвостью ошпаренной гиены ломанулся обратно в кусты лебеды, оставив за собой лишь шлейф аккумулятора перегара.

– Толик! Она бессмертная! У нее чит-коды! – истощно затрубил Андрюша.

От страха слон совершил невозможное: его пятитонная туша с треском выломала баобаб с корнем. Кастрюля окончательно съехала ему на рот, превратив его крики в глухое, паническое бубнение из недр общепитовского алюминия.

– Отставить панику, Челентано! Проволоку мотай, говорю же! – Толик, окончательно потерявший остатки хитинового рассудка, прыгнул с хобота прямо на дырявое днище кастрюли на голове Андрюши и начал неистово барабанить по нему ржавым консервным ножом. – Разворачивай батареи! Элезар, принимай командование арьергардом! Мы переходим к тактическому отступлению вглубь гнилой просеки!

Регина Зурабовна сделала шаг. Земля под ее лапками просела. Титанические лезвия сошлись с таким звуком, будто резали рельсы. Начальница гауптвахты шла зачищать этот сектор до состояния идеального, выбритого под ноль газона.

Ослепший, оглушенный и парализованный детским страхом слон сорвался с места, как безумный пятитонный локомотив.

Кастрюля намертво зажала ему глаза и рот, поэтому его истошный визг варился внутри алюминия, вырываясь наружу глухим, утробным гулом. Ломая хоботом вековые гнилые коряги и сшибая плечами ржавые остовы брошенной техники, Андрюша несясь напролом сквозь чащобу, превращая глухую просеку в зону экологического бедствия.

– Куда прешь, кавалерия?! Левее бери, к фекальным отстойникам! – орал Толик, намертво вцепившись шестью лапками в ручку кастрюли.

Таракана болтало на слоновьей голове, как пьяного ковбоя на механическом быке. Встречные ветки колючей лебеды нещадно брили его обгоревшие усы, но Толик продолжал яростно лупить консервным ножом по алюминиевому шлему, пытаясь задавать Андрюше направление движения.

Сзади раздавался мерный, неотвратимый скрежет. Регина Зурабовна шла по их следу с грацией гидравлического пресса. Ей не нужно было бежать. Мышь просто делала свои безупречные уставные шаги, и ландшафт перед ней сам складывался в архивные папки. Ее гигантские гидравлические резаки с леденящим душу звуком «КЛИК-КЛАК» перекусывали пополам вековые деревья, которые Андрюша не успел свалить. На гнилую просеку опускалась идеальная, геометрически выверенная пустота.

– Дистанция сокращается... – апокалиптически донеслось откуда-то сзади.

Это был голос Элезара. Пятиэтажный веган, сообразив, что канава при таком раскладе – самое безопасное место, остался там.

– Жми на газ, Андрюха! – верещал таракан. – У нее лезвия уже твой мачизм на ходу сканируют! Еще сто метров, и нас примут на баланс ветоши!

Вдруг земля под ногами слона резко ушла вниз. Андрюша вслепую вылетел на край обрыва, за которым начинался гигантский, бурлящий котлован подпольного отстойника гиены Жоры. Пахнуло таким концентрированным навозом и мазутным перегноем, что кастрюля на голове слона покрылась мгновенной испариной.

Тормозить было поздно. Пятитонная туша оторвалась от края и с глухим, обреченным трубным вздохом рухнула прямо в вязкую, сизую жижу Жориного резервуара.

На краю обрыва замерла Регина Зурабовна. Ее бусинки-глаза зафиксировали нарушителей, ушедших за пределы строевого периметра. Лезвия ее резачков зависли в миллиметре от упавшего чепца Толика.

– Выход объектов за границы закрытого сектора, – сухо просипел ее сервопривод. – Требуется расширение зоны зачистки до второго разряда.

Фекальная жижа подпольного отстойника оказалась на редкость плотной, теплой и до краев насыщенной Жориными коммерческими тайнами. Андрюша, погрузившийся по самые уши в навоз, наконец-то смог содрать с головы проклятую кастрюлю. Слон яростно отфыркивался, выплевывая из хобота куски протухшей капусты и ошалело вращая глазами.

– Толик, мля! Я ничего не вижу, мое либидо окончательно утонуло в экскрементах! – истошно протрубил он.

– Отставить панику, Челентано! Слушать мою команду! – заорал Толик, который удержался на слоновьей макушке и теперь выглядел как блестящий от навоза коричневый навигационный прибор. – Прямо по курсу вижу неопознанный стратегический объект! Мы идем на abordаж!

Андрюша нащупал ногой что-то огромное, цилиндрическое и покрытое толстым слоем ржавчины. Это был самый амбициозный, безумный и глубоко засекреченный проект гиены Жоры – подводная лодка «Ночное Золото». Контрабандист сварил ее из огромной пивной цистерны, лопастей от промышленного вентилятора и корпуса списанного комбайна. Вместо перископа из нее торчала ржавая водопроводная труба с примотанным скотчем зеркальцем.

– Наш размерчик! – Толик мгновенно оценил обстановку, заметил приоткрытый верхний люк, бывший крышкой от огромного чана для закваски, и скомандовал: – Личный состав, экстренное погружение! Ща мы этой мышши устроим автономный поход!

Слон, подгоняемый леденящим душу «КЛИК-КЛАК» с вершины обрыва, проявил чудеса гибкости. Андрюша буквально ввинтил свои пять тонн в люк, оставив снаружи только хобот, который Толик предусмотрительно выставил в дыру для слива, чтобы тот работал вместо шноркеля. Сам таракан рыбкой нырнул следом.

Внутри «Ночного Золота» царил глухой полумрак, пахло старыми ушанками Жоры, аккумуляторной кислотой и, разумеется, навозом. Вместо штурвала тут торчал ржавый лом, приваренный к оси от телеги, а в качестве дизеля использовался огромный, работающий на чистом перегное биореактор.

– Толик... тут тесно, у меня клаустрофобия, и коронная чакра опять во что-то уперлась, – заныл из темноты Андрюша.

– Заткнись, животное, ты в автономке! – Толик уже прыгал по рычагам, бешено вращая уцелевшим усом. – Так, смотрим матчасть... Опа! Жора тут поставил гусеничный привод от трактора «Челябинск» для подводного маневрирования! Андрюха, хватай лом-штурвал! Заводи шарманку!

В этот момент по обшивке лодки пришелся страшный, скрежещущий удар. Регина Зурабовна спустилась в отстойник по уставной вертикали. Мышь обнаружила беглецов, и ее промышленные резачки начали методично вскрывать пивную цистерну, как консервную банку.

– Начать принудительную выгрузку нарушителей, – просипел ее стальной динамик прямо сквозь ржавый металл.

– Жми на полную! Врубай грунтовые маршевые двигатели! – истошно заорал Толик.

Андрюша со страху навалился всей пятитонной тушей на ржавый лом. Биореактор внутри лодки утробно хрюкнул, сожрал порцию мазутного перегноя и выдал такую мощность, что гусеницы «Ночного Золота» бешено завертелись.

Субмарина Жоры не просто поплыла – она с диким ревом рванула прямо по дну котлована, протаранила противоположный глиняный склон отстойника и с фонтаном фекальных масс вылетела из берегов. На полной скорости, гремя лопастями вентилятора и лязгая тракторными гусеницами, подводная лодка выскочила на сухие просторы выжженной саванны.

Сзади, намертво вцепившись промышленными резаками в кормовой плавник-лопату, на броне повисла ошарашенная Регина Зурабовна.

Эпичный сухопутный круиз подводного флота в степях саванны был официально открыт.

«Ночное Золото» летело по иссушенной земле, взрывая тракторными гусеницами сухой дерн и оставляя за собой шлейф из сизого перегара и ключев прессованной рукколы. Пивная цистерна вибрировала так, что у Андрюши внутри лодки зубы отстукивали уставной марш.

– Толик! Куда мы несемся?! – вопил слон, мертвой хваткой вцепившись в ржавый ломштурвал. – У меня перед глазами все плывет, мачизм зашкаливает, а подошвы к педалям прилипли!

– Не ссать, Челентано! Идем по приборам! – Толик, ошалев от скорости, сидел на одном из сломанных манометров, используя собственный уцелевший ус как флюгер. – Держи курс на солнце!

Сзади творился ад. Мышь, волочась пузом по сухой земле саванны, упорно перебирала задними лапками и методично, скрежеща металлом о металл, подтягивалась к рубке. Ее гигантские промышленные резаки с противным звуком «КЛИК-КЛАК» уже срезали вентиляторные лопасти и принялись за тракторные подкрылки.

– Обнаружено незаконное перемещение гидрографического судна по сухопутному рельефу, – просипел ее динамик сквозь грохот двигателя. – Нарушение правил навигации третьего разряда. Приступаю к ампутации ходовой части.

– Ах ты ж канцелярская амфибия! – взвизгнул Толик, заметив через зеркальце перископа, как лезвие Регины Зурабовны занеслось над ведущей гусеницей. – Андрюха, огонь из главного калибра! Дуй в хобот, дурила!

– Куда дуть, ёптыть?! – ошалел слон. – Я же его узлом завязал!

– Развязывай и дуй! Вспомни молодость, мачо! Представь, что перед тобой стадо диких слоних, а не роботизированный трибунал!

Андрюша зажмурился, рванул хобот из сливного отверстия внутрь, зубами ослабил уставной узел и вытолкнул нос обратно наружу. В этот же миг биореактор субмарины выдал критическое давление – мазутный перегной внутри цистерны закипел, соединившись с остатками Жориного «Гиеньего экстаза».

ПОО-О-О-О-О! Андрюша выдал такой трубный залп, какого саванна не слышала со времен существования мамонтов.

Из хобота, торчащего над рубкой субмарины, как зенитное орудие, под чудовищным давлением ударила сплошная, бьющая на двадцать метров струя кипящего электролитно-сивушного концентрата.

Мощный фиолетовый поток попал точнехонько в морду Регины Зурабовны. Мышь-киборга не разорвало, но высокооктановое варево мгновенно залило ее бусинки-глаза и просочилось внутрь сервоприводов.

– Сбой... оптических... сенсоров... – засипел ее динамик. – Обнаружен... незадекларированный... источник... жидкого... хаоса...

Лезвия резаков заклинило в полуоткрытом состоянии. Мышеарх потеряла сцепление с броней, сорвалась с кормы и кубарем покатила по сухой траве саванны, оставляя за собой выжженную фиолетовую полосу. Однако ее тело уже на лету начало пересобирать поврежденные цепи, готовясь сделать новый ход.

Субмарина, потеряв балласт в виде Регины, подпрыгнула на кочке и на полной скорости вылетела на вершину холма. И тут Толик в перископ увидел то, от чего его оставшийся ус встал дыбом.

Прямо по курсу, перекрывая всю линию горизонта, с глухим тектоническим гулом шло гигантское, сметающее все на своем пути стадо диких буйволов. Их рога зловеще поблескивали на солнце, а из ноздрей шел черный дым. «Ночное Золото» летело по склону прямо им наперерез.

– Буйволы! – истошно заверещал Толик, разглядев сквозь зеркальце перископа, что стадо состоит из тысяч яростных, пахнущих потом и дикой степью быков. – Живая сила природы по курсу, Челентано! Тормози, мля!

– Чем?! У нас из тормозов только мое уязвленное самолюбие! – взвыл Андрюша, тщетно дергая ржавый лом-штурвал.

«Ночное Золото» на полной тракторной скорости влетело в самую гущу стада. Непуганые буйволы саванны, никак не ожидавшие увидеть посреди сухой степи мчащуюся на гусеницах пивную цистерну, в панике бросились врассып.

В ту же секунду сзади, грохоча перегруженными сервоприводами, на холм взлетела ослепшая, покрытая фиолетовой пеной Регина Зурабовна. Ее промышленные резакИ бешено клацали в воздухе, готовые архивировать все живое.

– Нарушение... регламента... популяции... – просипел ее динамик. – Приступаю... к поголовной... зачистке... ландшафта...

Услышав этот леденящий душу металлический скрежет, вожак стада – огромный, шрамированный буйвол весом под тонну – счел это личным вызовом. Он яростно взрыл копытом землю, опустил рога и с ревом бросился наперерез мышearху. За ним, подхваченное волной первобытного гнева, развернулось все многотысячное стадо. На начальника гауптвахты обрушилась живая стена из рогов, копыт и ярости.

Чудовищный таран сотен буйволиных туш буквально снес Регину Зурабовну с ног. Ее бессмертное роботизированное тело не сломалось, но законы физики саванны оказались сильнее цифрового устава. Затоптанная тысячами копыт, мышearх покатилаcь по склону вниз, увязая в плотном потоке бегущих быков, которые уносили ее все дальше и дальше вглубь бескрайней степи. Ее удаляющийся скрежет «КЛИК-КЛАК» медленно тонул в грохоте копыт.

В этот момент биореактор субмарины, сожравший последние запасы перегнойного топлива, издал прощальный тихий пшик. Гусеницы замерли. «Ночное Золото» с глухим скрипом остановилось посреди взрыхленного поля.

Внутри лодки воцарилась звенящая тишина. Андрюша медленно отпустил ржавый лом, тяжело дыша. Каловая корка окончательно сползла с его боков, и в пробивающихся сквозь люк лучах солнца его шкура отливала благородной чистотой. К нему постепенно возвращалось ощущение собственного величия.

К подлодке неспешным шагом подошел Элеазар. Он с глубоким вдохом подставил морду теплomu ветру.

– Засор ликвидирован... – умиротворенно пробасил ящер. – Система функционирует нормально. Вокруг – чистая органика.

Люк-крышка со скрипом откинулся. Из него, пошатываясь от пережитого сухопутного круиза, выбрался Толик. Его зеленый чепец бесследно исчез, а единственный ус был лихо закручен вверх.

– Ну что, орлы, – таракан победно оглядел бескрайние просторы саванны, где вдали, в пыльном облаке, буйволы все еще самозабвенно топтали металлические останки Регины Зурабовны. – Тактический маневр завершен. Комендатура нейтрализована силами местной фауны. Личный состав, объявляю благодарность за службу! Андрюха, труби победу! Мы ушли с гнилой просеки!

Слон Андрюша гордо выпрямился внутри пивной цистерны, высунул хобот в верхний люк и выдал мощный, чистый и оглушительный трубный марш – марш настоящих, свободных мачо саванны.

Глава 7. Хобот Арнольдovich

Марта тридцать второго дня случилось в саванне необыкновенно странное происшествие.

Полковник лейб-гвардии Розового полка слон Андрей Челентано, известный в узких кругах как чистокровный мачо и гроза двух климатических зон, проснулся довольно рано и, по обыкновению своему, издал носом легкий, бархатный фырк, призванный возвестить мир о начале дефиле. Однако фырка не последовало. Вместо него из груди пятитонного пижона вырвался лишь глухой, утробный сип, подозрительно напомнивший Андрею свист прохудившегося самовара.

Челентано мгновенно потянулся к хоботу, дабы омыть его утренней порцией элитного миндального масла, но лапа его, совершив в воздухе изящный полукруг, наткнулась на пустоту.

Андрей похолодел. На подкрученных, густых его ресницах выступил крупный, карикатурный пот. Он бросился к ручью, заглянул в зеркальную гладь и... к величайшему своему изумлению и ужасу, увидел, что на месте его двухметрового символа мужественности, гордости и аристократического чина находилось совершенно гладкое, круглое, серое место, плоское, как свежeweыпеченный блин. Нос пропал безвозвратно, оставив после себя лишь безупречно ровный эпидермис без единого шва.

– Батюшки мои! – взвыл полковник Челентано, закрывая лицо ушами. – Да как же это? Без шелковой рубашки я еще туда-сюда, джентльмен удачи, но без хобота... Без хобота слон – не слон, а какая-то серая свинья-переросток, чиновник четырнадцатого класса, не имеющий права даже на веганский смузи! Как я явлюсь на глаза светским львицам? Мое ухоженное либидо аннулировано!

– Прекратить панику в штабном вагоне, Челентано! – проскрежетал из складок его затылка Толик.

Пройдоха-таракан сегодня полностью погрузился в дух петербургского абсурда, примерив на себя личину коллежского регистратора и пронырливого частного пристава. На его хитиновой голове сидела крошечная треуголка, а в лапках он сжимал блокнот из газетной вырезки.

– Это политический саботаж, Андрей! – заговорщически прошептал Толик, шевеля усами. – Контрабандист Жора донес, что твой нос только что видели в бальной зале сурикатов! Он был одет в розовый парадный мундир, расшитый золотом, шляпу с перьями и имел чин статского советника! Он сел в карету, запряженную навозными жуками, и ехал в Министерство отрезания подавать прошение о признании его суверенным ландшафтным объектом! Понимаешь? Твой отросток сделал карьеру, пока ты спал! Акции нашего эго упали ниже плинтуса!

Андрей, доведенный до отчаяния этой вопиющей чиновничьей несправедливостью, бросился по Невскому, силясь догнать собственную мужественность. Пять тонн его серой плоти дрожали от экзистенциального позора.

Поодаль, завязав пятиэтажную шею изящным петербургским галстуком-жабо, сидел мудрый статский советник на пенсии – брахиозавр Элеазар. Веган-пацифист меланхолично жевал кувшинку.

– Все наши носы – лишь флуктуация амбиций... – философски пробасил Элеазар, поправляя хвостом лорнет. – Ты ищешь то, что ушло в табель о рангах, Андрюша... Но чин – это лишь дым... Придворная мышь все равно приведет ландшафт к единому знаменателю...

Топ. Топ. Топ.

Сухой, пугающе ритмичный и до боли знакомый стук лапок по асфальту заставил беглецов замереть. Из сизого неевского тумана, разрезая поляну идеальной геометрической линией, вышла она.

Регина Зурабовна. Глава Департамента по инвентаризации излишков сплошной плоти.

Ее белоснежный фартук хрустел от крахмала, а в лапках зловеще поблескивал массивный топор. Она шла не спеша, но ее бусинки-глаза горели холодным огнем тотального Мышеархата. Она приблизилась к Андрею и остановилась прямо перед его бивнями – монументальными, идеально симметричными дугами безупречной слоновой кости длиной ровно метр восемьдесят, которые Толик вчера перед сном натер отбеливающим порошком.

– Объект «Слон» совершил несанкционированное сокрытие носового ресурса, – ледяным, министерским голосом провозгласила Регина Зурабовна, прикладывая портновский метр к глянцевої кости. – Однако в ходе внеочередного аудита зафиксирован иной вопиющий дефект ландшафта. Длина каждой единицы объекта «Бивни» составляет ровно метр восемьдесят сантиметров.

Андрей испуганно скосил правый глаз на собственное плечо.

– Согласно уставу о благоустройстве саванны и правилам радиальной эстетики для безносых чиновников, норматив на лицевые выросты составляет всего двадцать сантиметров, – безжалостно отчеканила мышь. – Излишек в метр шестьдесят нарушает общую кубатуру ведомственного пространства и создает хаос при разворотах. Приступаю к канонической калибровке, принудительной уценке и усечению бивней до двадцати сантиметров.

Она замахнулась топором, который со свистом разрезал воздух.

Гоголевский абсурд ситуации окончательно взорвал остатки Андрюшиной логики: он только что непонятным образом лишился хобота, а мышь пришла отрезать его легендарные бивни, сокрушая метр восемьдесят безупречного мачизма до жалких двадцатисантиметровых пеньков! Его ухоженное эго, получив такой удар с фронта, мгновенно реанимировало инстинкт самосохранения. Слон понял, что Система не знает пощады – она всегда найдет, что подрезать.

– Мои бивни?! Срезать метр шестьдесят?! Да это же сверхнаглость! – взвыл полковник Челентано, дико пятясь назад и прикрывая костяную гордость ушами. – Толик, выручай!

Таракан не растерялся. Он стремительно взлетел на вершину левого бивня, как заправский оратор на броневику, и наподдал лапкой по своей крошечной треуголке, сдвинув ее на воинственный бок.

– Стоять, Мышеархат! Назад, Регина Зурабовна! – громовым шепотом гаркнул таракан, выставив вперед лапку с блокнотом, словно это был щит высшей юридической защиты. – Вы совершаете должностное преступление государственной важности! Нарушаете параграф тридцать два Уложения о чрезвычайных отроствах Саванны!

Мышь замерла. Лезвие топора остановилось в каких-то двух миллиметрах от полированной слоновой кости. Бусинки-глаза Регины Зурабовны сощурились, превратившись в две ледяные точки.

– Обоснуйте, коллежский регистратор, – сухо процедила она, не опуская орудия усечения. – Каждая секунда промедления – это нецелевое использование ведомственного воздуха.

– Легко! – Толик демонстративно и очень пафосно послунывил лапку, перелистывая газетную вырезку. – Объект «Слон» – не просто безносый чиновник четырнадцатого класса! С сегодняшнего утра, ввиду внезапной суверенизации его хобота в чине статского советника, сам полковник Челентано автоматически переходит в статус... ближнего родственника высшего министерского чина!

Андрей от такой юридической эквилибристики даже икать перестал и лишь покорно выпучил глаза, боясь пошевелить ушами.

– И что из этого следует? – Регина Зурабовна качнула крахмальным фартуком.

– А то, – победоносно ухмыльнулся Толик, шевеля усами, – что его бивни более не являются «лицевыми выростами общего пользования»! Согласно циркуляру Министерства отрезания от сорок первого мартабрия, имущество родственников статского советника защищено дипломатическим иммунитетом от уценки, калибровки и прочего ландшафтного бритья!

Отрубив хотя бы сантиметр, вы совершите покушение на авторитет самого... Хобота Арнольдовича! Подпишите себе приговор, Регина Зурабовна. Пойдете по этапу в сибирскую ссылку – вечную мерзлоту регламентировать!

Мышь на секунду задумалась. Бюрократическая машина внутри ее головы со скрипом перемалывала новые вводные данные. Угроза ссылки в Сибирь явно не входила в ее планы на жизнь.

– Допустим, – ледяным тоном произнесла она, медленно убирая топор в фартук и доставая метр. – Но аудит не закрыт. До выяснения официального статуса беглого отrostка на объект «Слон» налагается временный арест. Проследуем в балльную залу сурикатов. Если Хобот Арнольдович не подтвердит родство – я лично укорочу ваши выпирающие части по самую шею. Шагом марш!

– Спасены... пока что... – выдохнул Андрюша, утирая карикатурный пот ухом.

– Не расслабляться, полковник! – Толик прыгнул слону на затылок. – Нас ждет светский раут! Шевели ногами, пять тонн элиты, пока она не передумала!

И эта странная процессия – пятитонный безносый слон, таракан в треуголке и конвойная мышь с портновским метром – двинулась сквозь сизый невский туман навстречу сурикатскому великолепию.

Бальная зала сурикатов, наспех вырытая под корнями вековой баобабо-березы, блистала столичным шиком. На стенах вместо свечей горели дрессированные светлячки, приглушенно жужжал оркестр навозных жуков, а высший свет джунглей – от лемунов в шелках до светских львиц в декольте – чинно прогуливался с бокалами забродившего кокосового сока.

Появление конвоируемого Андрея вызвало светский шок. Пятитонный полковник без своего главного украшения выглядел настолько удручающе неприлично, что светские львицы тут же закрыли мордочки веерами из павлиньих перьев.

– Ах, какой пассаж! – прострекотала престарелая шиншилла в бриллиантовом чепце. – Слон явился на раут в одном эпидермисе! Какое падение нравов!

Но полковник Челентано ничего не слышал. Его взгляд был прикован к паркету. Там, у фуршетного стола, окруженный толпой восторженных сурикатов-фрейлин, стоял он.

Хобот Арнольдович.

Он выглядел умопомрачительно. Наряженный в сшитый по фигуре розовый парадный мундир с золотыми эполетами, в треуголке с пышным плюмажем, Хобот вальяжно опирался на крошечную трость с янтарным набалдашником. На его безупречной ноздре кокетливо сидело золотое пенсне. Он только что откусал элитного смузи и теперь изящно стряхивал каплю шелковым платком.

– Хобот Арнольдович! Батюшка! Кормилец! – не выдержал Андрей и, забыв про достоинство, рухнул на колени, отчего в зале зазвенели все бокалы. – Родной мой! Вернись на место! Как же я без тебя? Я же ни чихнуть, ни дефиле возглавить не могу! Меня же мышь обезбивить хочет!

Оркестр жуков испуганно смолк. Все гости замерли.

Хобот Арнольдович медленно, с глубочайшим чувством собственного превосходства, развернулся всем своим двухметровым изгибом к Андрею. Он приподнял пенсне, окинул пятитонную тушу ледяным, брезгливым взглядом и высокомерно пробасил:

– Милостивый государь, я вас решительно не понимаю. Извольте встать. Вы пугаете дам и создаете неуместную турбулентность в зале.

– Да как же не понимаешь?! – взвыл Челентано, указывая на свое круглое серое лицо. – Я – Андрей! Твой законный носитель! Мы же с тобой две климатические зоны в страхе держали! Нам вместе элитное миндальное масло полагается!

Хобот Арнольдович брезгливо фыркнул, обдав присутствующих тончайшим ароматом дорогого парфюма.

– Вы ошибаетесь, любезнейший, – сухо отчеканил Хобот, поправляя золотой эполет. – Между нами не может быть ничего общего. Судя по пуговицам вашего мундира, вы служите по ведомству обыкновенной фауны. Я же, согласно высочайшему указу от тридцать второго марта, утвержден в чине статского советника по Департаменту ландшафтных преобразований. Я самостоятельный геополитический объект и подчиняюсь исключительно Министерству отрезания.

– Но... но... – заикался Андрей, ловя ртом воздух.

– И более того, – Хобот Арнольдович строго посмотрел на Регину Зурабовну. – Сударыня! Данный безносый гражданин уверяет, что является моим родственником, дабы избежать канонической калибровки. Заявляю официально: это чистейшей воды самозванство и покушение на вертикаль власти! Усекайте его согласно регламенту! Под самый корень!

– Оп-па... – тихо пискнул Толик, сползая с затылка слона в ушную раковину. – Кажется, дипломатический иммунитет аннулирован. Андрюша, включай заднюю скорость!

Регина Зурабовна зловеще улыбнулась. На свет божий опять появился топор.

– Разговоры в строю прекратить, – ледяным тоном оборвала она Толика. – Объект «Слон» конвоируется в Центральную ландшафтную тюрьму до окончательного судебного усечения. Хобот Арнольдович, вы привлекаетесь в качестве свидетеля обвинения. Шагом марш!

Хобот Арнольдович победоносно фыркнул, поправляя пенсне, а поникший пятитонный Андрей под суровым взглядом двадцатиграммовой мыши поплелся к выходу. Процессия покинула бальную залу сурикатов и вышла на улицу, утопающую в сизом невском тумане.

Вдруг послышался оглушительный, залиvistый лай. Из тумана, отчаянно таякая и поднимая тучи пыли, выскочила крошечная, взъерошенная собачка Моська. Она вела себя строго по классическому регламенту: крутилась под ногами огромного Андрея, надрывала горло и исходила яростью на всю саванну.

– Ай, Моська! Знать, она сильна, что лает на Слона! – крикнул с забора какой-то пролетавший мимо чиж.

Моська от этих слов вошла в абсолютный раж. Но ее бусинки-глаза вдруг скосились в сторону. Оценив масштаб безносого полковника и заметив идущую рядом Регину Зурабовну с портновским метром, собачка мгновенно пересчитала свои карьерные амбиции. Тявкать на слона – это, конечно, классика, но хайп с участием главы департамента – это уровень статского советника.

Лай резко оборвался. Моська сделала молниеносный тактический кувырок, с рыком вцепилась зубами в накрахмаленный фартук Регины Зурабовны и, бешено перебирая лапами, с рычанием уволокла истошно пищущую мышшь в густые колючие кусты.

В саванне повисла мертвая, экзистенциальная тишина. Лишь из кустов доносился треск веток и удаляющийся победный рык Моськи.

Андрей удивленно моргнул. Толик осторожно высунул усы из уха. На пыльной дороге остались только они и ошарашенный Хобот Арнольдович, чей розовый парадный мундир мгновенно покрылся муляшным потом от осознания, что Системы больше нет и защищать его некому. Золотое пенсне слетело с его ноздри и кануло в пыль Невского проспекта. Двухметровый суверенный отросток в розовом мундире сообразил, что лишился государственной крыши, и попытался дать стрекача.

– Стоять, изменник ландшафта! – громовым голосом гаркнул Толик, соскакивая с уха Андрея. – Скрутить его, полковник! Акции его эго обнулены!

Пять тонн Челентано сделали мощный выпад вперед. Безносая, плоская, как блин, морда слона нависла над самозванным чиновником. Андрей ловко прижал Хобота Арнольдовича к земле своей массивной передней лапой, аккуратно посреди золотых эполет.

– Пустите! Это покушение на статского советника! Я ландшафтный объект! – глухо доносилось из-под пятитонной подошвы.

– Был объект, да весь вышел, – хмыкнул Толик, деловито связывая кончик удравшего носа его же собственным шелковым платком, чтобы тот не вздумал фыркать элитным парфюмом. – Ну что, Андрюша, Система пала, Моська уволокла мышearха, пора возвращать имущество на базу!

Полковник Челентано аккуратно поднял связанного, брыкающегося Хобота Арнольдovichа и приложил его к безупречно ровному эпидермису между бивнями. По саванне пронесся странный, вакуумный звук «Чпок!».

В ту же секунду розовый мундир, треуголка с перьями и трость с янтарным набалдашником осыпались на землю кучкой сухой чиновничьей пыли. Двухметровый символ мужественности намертво прирос к своему историческому месту.

Андрей зажмурился, глубоко вдохнул сизый невский туман и издал носом такой мощный, бархатный, победный фырк, что баобабо-березы вокруг зашатались.

– Ну слава богу, – пробасил Челентано, нежно ощупывая хоботом свои метр восемьдесят идеальной слоновой кости. – Джентльмен удачи снова в строю.

Об их главном враге – Регине Зурабовне – напоминали теперь только орудия тотального Мышеархата, лежавшие прямо посреди дорожной пыли.

Толик, чьи усы все еще подрагивали от пережитой опасности, медленно подошел к артефактам мегарегулятора. Его взгляд – тяжелый, лихорадочный, внезапно загоревшийся петербургским сплином – приковал к себе тяжелый бритвенно-острый топор, выпавший из фартука мыши.

– Тварь я дрожащая... или право имею? – глухо, замогильным шепотом проскрежетал таракан, поправляя сбитую набок треуголку. Он ухватился всеми шестью лапками за топориче, натужно кряхтя, взвалил стальное орудие на свой хитиновый загривок и безумно уставился в глубь тумана. – Все они... все эти министерские... пьют из нас кровь, Андрюша. Система рухнула, а значит – все дозволено. Я знаю, где живет паучиха-процентщица. Она держит в кубышке все миндальное масло саванны. Пора произвести радикальное перераспределение капитала.

Андрей, еще не пришедший в себя после безносого приключения, даже не расслышал манифеста своего напарника. Пятитонный полковник, повинаясь какому-то древнему инстинкту, аккуратно подцепил кончиком ноги пожелтевший портновский метр Регины Зурабовны. Метр со щелчком сложился, став похожим на элегантную офицерскую трость. Кое-как зажав его в складках ушной раковины, слон растерянно огляделся.

– Толик, ты куда? – пробасил Андрей, но туман уже поглотил маленького нигилиста с топором наперевес. – Толик!..

Полковник остался один. Потерянный, но с министерским метром под мышкой, он тяжело вздохнул и побрел по Большой Слоновой улице.

Он не знал, что в этот самый момент на дальнем конце улицы, в центральной управе сурикатского квартала, царила неопишуемая паника.

Староста квартала, страдающий одышкой суслик Потап Иванович, только что получил секретную депешу по жучиной почте. На нем не было лица. Его крахмальное жабо развязалось, а лапки тряслись так, что он пролил забродивший кокосовый сок прямо на ведомость о налогах.

– Господа! – со слезами в голосе вскричал Потап Иванович, обращаясь к собравшимся чиновникам-сурикатам. – Я пригласил вас с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор!

– Как ревизор?! – хором пискнули сурикаты, выронив блокноты.

– Из самого Министерства отрезания! – Староста в ужасе схватился за голову. – Инкогнито! И еще с предписанием изъять все излишки плоти! И что самое страшное – господин Земляника из Департамента болот донес, что ревизор этот чрезвычайно опасен: маскируется

под местную фауну, но при себе всегда держит канонический измерительный прибор высшего Мышеархата!

В этот момент двери управы с грохотом распахнулись. Из тумана на порог ступила гигантская, серая пятитонная туша полковника Андрея. Из его правого уха зловеще поблескивал зажатый деревянный метр Регины Зурабовны...

При появлении огромной фигуры Андрея в дверях сурикатской управы заседавшие чиновники дружно рухнули под столы. Наступила такая тишина, что было слышно, как на улице испуганно икает привязанный к столбу навозный жук.

– Э-э... здравствуйте, господа, – густым, бархатным басом пророкотал Андрей, вежливо поправляя хоботом ресницы. – Я тут, собственно, ищу...

– О-о-о, Ваше Высокородие! Тайный советник! – суслик Потап Иванович выскочил из-под стола на полусогнутых лапках, преданно пресмыкаясь пузом по паркету. – Просим, не погубите! Все исправим! Все ландшафтное пространство приведем в радиальное соответствие в одночасье!

Андрей озадаченно моргнул. Он привык, что в светских салонах перед ним трепещут только трепетные лани в чепцах и их юные племянницы, но чтобы районное чиновничество саванны коллективно теряло сознание – это было в новинку. Полковник поправил ухом министерский метр. Суслик при виде этого движения судорожно сглотнул и побледнел.

– Вы это о чем? – поинтересовался слон, делая шаг вперед. От его пятитонного веса в управе жалобно затрещали половицы, а со стены упал портрет трижды Героя пруда, главного смотрителя болот.

– О кубатуре, батюшка! О кубатуре ведомственного пространства! – запричитал староста, лихорадочно подмигивая сурикатам-контролерам, которые уже тащили из подсобки огромный поднос. – Знаем, все знаем! Инкогнито из Мышеархата, с ревизией излишков плоти! Вот, извольте откусать с дороги, чем богаты... Чистейший, элитный веганский смузи двойной фильтрации на талой воде килиманджарских ледников! Исключительно для дегустации истинными ценителями мачизма!

На подносе, помимо запотевшего хрустального кубка со смузи, подозрительно поблескивал увесистый мешочек с золотыми кокосовыми пуговицами высшей пробы.

Андрей, чье эго мгновенно среагировало на слова «элитный» и «мачизм», вальяжно прищурился. Изголодавшийся по светскому признанию и хорошему обслуживанию за это безумное утро, он решил, что джентльмену удачи не пристало отказываться от подношений. Его хобот изящно, петлей, потянулся к кубку.

– Хм... Ну, ежели для дегустации... – благосклонно прогудел полковник, окончательно входя в образ грозного ревизора.

Тем временем в самом глухом и зловонном тупике у Сенной площади саванны, где туман сгушался до состояния грязного киселя, Толик подошел к монументальной, покрытой вековой пылью паутине.

В самом центре этого заброшенного ландшафтного узла, на куче старых шелковых обрезков и долговых расписок, восседала гигантская паучиха Алена Ивановна. Ее хитиновое брюшко лоснилось от жадности, а многочисленные глаза-бусинки беспрерывно пересчитывали крошечные флаконы с элитным миндальным маслом, отнятые у обнищавших обитателей саванны за долги.

Толик остановился у края паутины. Стальной топор Регины Зурабовны, который он волок на загривке, оставил в пыли глубокую, зловещую борозду. Лапки таракана дрожали от экзистенциального лихорадочного сплина.

– Кто там еще? – проскрипела паучиха, недобро повернув к нему три пары глаз. – Опять коллежский регистратор? Принес под залог свою треуголку? Кокосовой стружки за нее не дам, и не проси!

Толик молчал. Он медленно перехватил топориче поудобнее, чувствуя, как внутри его крошечной груди закипает дух радикальной достоевщины.

– Я пришел... по делу, Алена Ивановна, – глухо, с надрывом произнес таракан, делая шаг на зыбкую паутину. – Я принес вам... ценный залог. Государственную облигацию на вечные дивиденды от дефила полковника Челентано.

– Ну-ка, ну-ка, покажи, – паучиха жадно потянулась к нему передними лапами, ослабляя бдительность.

Толик зажмурился. В его голове пронеслись все несправедливости Министерства отрезания, весь ужас канонической калибровки и убожество четырнадцатого класса табели о рангах.

«Не для того я родился пройдохой, чтобы перед каждой ведомственной тварью усами дрожать!» – промелькнуло в его мыслях.

...Между тем Андрюша Челентано изящно обвил хоботом хрустальный кубок, одним глотком осушил элитный смузи и оглушительно, с бархатным переливом фыркнул. Сурикаты в первом ряду благоговейно зажмурились. Вкус килиманджарского льда окончательно вымел из головы полковника остатки благоразумия. Мешочек с золотыми пуговицами незаметно перекочевал под складку его пятитонного бедра.

– Да-с, господа! – вальяжно пробасил Андрей, прохаживаясь перед замершим чиновничеством и помахивая министерским метром, словно фельдмаршальским жезлом. – Саванна ваша, признаться, в некотором запустении. Радиальная эстетика нарушена! Излишки плоти на каждом шагу! Я ведь почему инкогнито? Сам директор Департамента сплошных преобразований умолял: «Батюшка, Андрюша, спасай! Кроме твоего мачизма, никто этот хаос к единому знаменателю не приведет!»

Суслик Потап Иванович преданно закивал, вытирая пот с лысеющего темени.

– Извольте верить, – продолжал вдохновенно заливать полковник, картинно подкручивая ресницы кончиком хобота. – Я ведь в империи на особом счету. Меня в Министерстве отрезания каждый суверенный ландшафт знает. Как-то раз сам Хобот Арнольдович – ну, вы слышали, статский советник, большая шишка – подходит ко мне, треуголку снимает и говорит: «Челентано, друг, одолжи метр восемьдесят твоей безупречной кости для калибровки столичного паркета!» Я, конечно, отказал. Из принципа! У меня, знаете ли, тридцать тысяч одних навозных жуков на посылках! Куда ни приеду – везде дефила, оркестры, светские слоники и обмороке!

Сурикаты-контролеры строчили в блокнотах с такой скоростью, что от карандашей шел дым. Слон окончательно вошел в раж Хлестакова.

– Я с маменькой министра на дружеской ноге! – гремел Андрей, взмахивая ушами. – Меня сам Государственный контроль боится! Если я увижу, что у вас тут кубатура ведомственного пространства не сходится – урежу! Все урежу до двадцати сантиметров! Лично топором калибровать буду!

Потап Иванович при слове «топор» тихо пискнул и начал медленно сползать по ножке стола.

Тем временем в трущобах возле Сенной опустившийся над паутиной топор Регины Зурабовны издал глухой, страшный звук.

Но... паучиха Алена Ивановна была старой, закаленной в финансово-кредитных боях бестией. Вместо того чтобы канонически пасть жертвой нищенских идей, она в последний момент ловко выставила вперед три правые лапы и намертво перехватила лезвие в воздухе, прямо над своими глазами-бусинками.

– Ишь ты, Раскольников недоделанный! – проскрипела она, обдав Толика запахом прогорклого масла. – С топором на должностное лицо? Думал, если мегарегулятор ушел в кусты, так и законы табели о рангах не действуют?

Толик, тяжело дыша и упираясь всеми шестью лапками в паутину, силился вырвать оружие. Экзистенциальный сплин сменился паникой.

– Пусти, пиявка министерская! – прохрипел таракан, поправляя съезжающую на глаза треуголку. – Твои фонды арестованы! Твое миндальное масло принадлежит народу саванны!

– Мое масло принадлежит Департаменту розысканий! – рявкнула паучиха и с невероятной силой дернула топор на себя.

Толик не удержался и кубарем полетел по липким нитям паутины, теряя блокнот и карандаш. Топор со звоном вонзился в глиняный пол трущоб. Паучиха, зловеще перебирая лапами, начала медленно приближаться к запутавшемуся в паутине коллежскому регистратору, доставая из-за спины огромный шприц для инъекций казенного формалина.

– Ну что, коллежский регистратор? – ухмыльнулась она всеми своими челюстями. – Право имеешь? Сейчас мы твой хитиновый суверенитет уценим до полного нуля!

Толик лихорадочно дергал усами, понимая, что его радикальный манифест вот-вот закончится канонической калибровкой в качестве музейного экспоната.

...А слон Челентано окончательно воспарил в эмпирии собственного величия. Зажатый в его ушной раковине министерский метр покачивался в такт его монументальным шагам, а сурикаты-чиновники уже стояли на коленях цепочкой, образуя живой ковер от стола старосты до самого выхода. Андрей гордо вел своим двухметровым, законно возвращенным хоботом, обладая присутствующих ароматом элитного смузи.

– Ваше Высокорodie! Тайный мачизм вашего сиятельства ослепляет районную администрацию! – лебезил суслик Потап Иванович, пятясь задом к тяжелой дубовой двери архивного отсека. – Чтобы скрасить суровость вашей ревизионной проверки, мы... мы приготовили для вас неофициальный баланс полного ведомственного удовлетворения!

Двери архива со скрипом отворились. Четыре суриката-гвардейца, натужно кряхтя, выкатили на золоченой платформе главную гордость района – светскую львицу Клеопатру. Ну, как львицу... Это была упитанная, капризная вухоль в огромном декольте из страусиных перьев и жемчужных бусах, которая томно обмахивалась веером и жевала сушеную саранчу.

– Ах, – манерно пискнула Клеопатра, окинув пять тонн Андрея критическим взглядом. – Так это и есть мышьярхатный ревизор? Масштаб вашего хобота и симметрия бивней, признаться, удовлетворяют моим эстетическим нормативам. Разрешаю поцеловать мне лапку, беспардонный чиновник.

Андрей от такого катарсиса едва не выронил метр. Его мачизм запел марш лейб-гвардии Розового полка. Он изящно выгнул свой вновь обретенный хобот дугой, намереваясь галантно прикоснуться к лапке светской дивы, как вдруг в окно упорыв с диким писком и треском влетело... штатное дорожное чучело первого разряда – сурикат-почтальон, сорвавшийся со своего дежурного поста!

Сурикат рухнул прямо на поднос со смузи, расплескав остатки килиманджарской роскоши по ведомостям.

– Спасите! Там... там бунт в трущобах! – в панике заверещал почтальон, пытаясь укрыться под юбками вухолы Клеопатры. – Там коллежский регистратор возомнил себя Наполеоном и полез с топором устраивать передел собственности! Идет радикальное усеменение капитала! Паучиха-процентщица забаррикадировала фонды, а таракан обещает пустить всю саванну на веганский формалин!

Сурикаты в панике закричали. Потап Иванович снова полез под стол. Андрей нахмурился. С одной стороны, перед ним была роскошная вухоль Клеопатра, готовая признать его мачизм. С другой стороны, его верный компаньон Толик, кажется, слишком глубоко погрузился в дух идей Достоевского и попал в серьезный классический переплет. Пора было решать, кто он – заносчивый ревизор или боевой полковник лейб-гвардии.

...В зловонном тупике трущоб шприц паучихи Алены Ивановны замер в полумиллиметре от хитинового загризка Толика. Таракан уже мысленно прощался со своей треуголкой и блокнотом, как вдруг липкая нить паутины над их головами с треском лопнула.

Из сизого тумана, тяжело дыша и волоча за собой портновские ножницы Регины Зурабовны, на кучу долговых расписок вывалилась... сама Регина Зурабовна! На ее голове красовался огромный укус, а фартук был изодран в клочья. Судя по всему, хайполюбивая Моська оставила ее в живых лишь ради того, чтобы мышь до конца дней своих осознала ничтожность Мышеархата перед лицом чистой ярости беспородной фауны.

– Незаконное... удержание... заемщика! – ледяным, но изрядно охрипшим голосом провозгласила Регина Зурабовна, сиюсь поднять массивные ножницы. – Гражданка паучиха! Ваш шприц не прошел каноническую калибровку! Инъекции без ведомственной печати караются ссылкой в Сибирь!

Паучиха от неожиданности обернулась всеми шестью глазами на потрепанную чиновницу.

– Ты кто такая, чтобы в моих трущобах кубатуру качать? – прошипела Алена Ивановна, ослабля хватку на Толике. – Твой метр у слона-ревизора, фартук съеден Моськой! Ты теперь никто, серая ветошь!

– Я – Закон! – рявкнула Регина Зурабовна и, собрав последние бюрократические силы, с металлическим щелчком «Клик-клак!» швырнула портновские ножницы прямо в шприц паучихи. Стальной инструмент разлетелся на куски.

Толик, воспользовавшись моментом, совершил отчаянный тактический кувырок, выпутался из паутины и схватил лежащий в грязи топор. Теперь они с общипанной, но все еще грозной мышью стояли плечом к плечу против злобной процентщицы.

– Ну что, Алена Ивановна? – победоносно ухмыльнулся Толик, шевеля усами и поправляя треуголку. – Похоже, у нас тут формируется коалиция Чрезвычайного наказания. Регина Зурабовна, пишите протокол: изъятие миндального масла в пользу пострадавших от дефицита махизма!

...Полковник Челентано замер. В его слоновьей груди боролись два чувства: утонченный эгоизм Хлестакова и суровая полковая честь. Перед ним томно вздыхала вихухоль Клеопатра, готовая утонуть в его пяти тоннах безупречного махизма. Но весть о том, что Толик в трущобах делит капитал с паучихой при помощи топора Мышеархата, перевесила столичные амбиции.

– Пардон, мадам, – зычно пробасил Андрей, изящно салютуя Клеопатре зажатым в ухе министерским метром. – Родина-саванна в опасности. Экзистенциальный долг зовет! Ревизия переносится в эпицентр нигилизма!

Слон круто развернулся на месте, отчего сурикаты-чиновники посыпались со столов, как перезрелые кокосы.

– Потап Иванович! – гаркнул полковник ошарашенному суслику. – Трубите общий сбор! Всю районную канцелярию – под ружье! За мной, к трущобам! Кто отстанет – уценю лицевые выросты до десяти сантиметров по закону радикальной эстетики!

Сурикаты, подгоняемые паническим страхом перед всеильным Мышеархатом, дружно пискнули и клином бросились вслед за пятитонной тушей Андрея. Процессия вылетела из управы и с грохотом понеслась по пыльной улице, взметая тучи дорожной пыли, смешанной с сизым невским туманом.

...В зловонном тупике трущоб Алена Ивановна яростно зашипела всеми своими челюстями. Потеря шприца ее не остановила – у нее оставалось еще несколько пар волосатых лап, покрытых ядовитыми шипами.

– Коалиция, говорите?! Протокол?! – паучиха сделала молниеносный выпад, пытаясь прихлопнуть Регину Зурабовну. – Да я ваш протокол сейчас вместе с треуголкой сожру! Назад, канцелярские крысы!

Регина Зурабовна, лишившись ножиц, проявила неожиданную прыть: она ловко увернулась и сзади уцепилась зубами за одну из задних конечностей паучихи.

– Нарушение... неприкосновенности... ревизионной группы! – прохрипела мышь, намертво заклинив челюсти на хитине Алены Ивановны.

– Получи, ростовщическая пиявка! – завопил Толик.

Таракан, преодолевая лихорадочный сплин, натужно приподнял топор Регины Зурабовны и со всего размаху опустил его обухом на центральный узел паутины, где висели самые большие ампулы с элитным миндальным маслом.

Раздался оглушительный стекольный треск. Драгоценная жидкость хлынула на земляной пол, заполняя трущобы густым, благородным ароматом орехов и петербургского салона. Паутина начала стремительно провисать, увлекая Алену Ивановну вниз.

– Мои активы! – запричитала паучиха, разрываясь между желанием задушить Толика и спасти растекающийся капитал.

В этот самый момент земля под их лапами содрогнулась от мощного пятитонного удара. Стены тупика с грохотом рухнули, и сквозь пролом, раздвигая туман своим многострадальным хоботом, ворвался полковник Андрей Челентано, а за его спиной, сверкая глазами, плотным строем стояли вооруженные карандашами сурикаты.

– Именем Министерства отрезания и канонической кубатуры! – громовым шепотом возвестил Андрей, поднимая хоботом министерский метр. – Всем оставаться на своих ландшафтных местах! Ревизор прибыл!

Аромат элитного миндального масла, растекавшегося по грязи трущоб, смешался с банковской паникой и сизым невским туманом. Паучиха Алена Ивановна, опутанная собственной провисшей паутиной, замерла, испуганно перебирая уцелевшими лапами под грозным пятитонным взглядом полковника Челентано.

– Ну-с, господа, – вальяжно пробасил Андрей, картинно опираясь на министерский метр и победно шевеля двухметровым «Хоботом Арнольдовичем». – Картина ландшафтного упадка полная. Кубатура греха превысила все ведомственные нормативы. Толик, голубчик, вылезай из кустов, принимай капитуляцию фондов.

Толик, тяжело дыша, опустил топор на землю и аккуратно сдвинул треуголку на затылок. Экзистенциальный сплин Достоевского в его крошечной груди окончательно уступил место торжествующему гоголевскому абсурду. Он обменялся коротким, суровым, чисто министерским кивком с потрепанной Региной Зурабовной. Глава департамента, гордо выпрямив спину, выплюнула кусочек хитина паучихи и встала по правую ногу слона.

Суслик Потап Иванович, выскочив вперед, преданно запричитал:

– Ваше Высокородие! Тайный советник! Вся контрабанда масла изъята в пользу Мышеархатной ревизии! Извольте подписать протокол радикального соответствия, дабы мы могли спать спокойно!

Андрей благосклонно сощурился, уже прикидывая, как он вернется в бальную залу к выхухоли Клеопатре с целым мешком золотых пуговиц и бочкой элитного масла. Он поднял хобот, чтобы возвестить мир о победе мачизма...

Топ. Топ. Топ.

Сухой, пугающе ритмичный и до боли знакомый стук лапок заставил всю процессию мгновенно заледенеть. Из тумана, разрезая поляну идеальной геометрической линией, вышла она.

Регина Зурабовна. Глава департамента по инвентаризации излишков сплошной плоти. Ее белоснежный фартук хрустел от крахмала, а в лапках зловеще поблескивал массивный топор. Она шла не спеша, но ее бусинки-глаза горели холодным огнем тотального Мышеархата. Она приблизилась к Андрею и остановилась прямо перед его бивнями.

Все сурикаты, включая Потапа Ивановича, медленно повернули головы направо – туда, где у ноги Андрея стояла другая Регина Зурабовна, искусанная, в рваном фартуке и с обломком ножиц.

– Оп-па... – тихо пискнул Толик, роняя свой топор в грязь. – Кажется, у нас тут... дублирование ведомственных полномочий.

Потрепанная Регина Зурабовна медленно повернулась к своей крахмальной копии. Их бусинки-глаза встретились. Две абсолютно идентичные чиновничьи сущности замерли друг против друга. Настоящая мышь, которую утащила Моська, очевидно, сбежала из кустов, и отправилась в департамент заполнять форму № 311-б (о спасении из собачьей пасти) в трех экземплярах, в то время как ее экзистенциальный призрак уже успел заключить союз с Толиком.

– Объект «Мышь» совершил несанкционированное клонирование бюрократического ресурса, – ледяным, министерским голосом провозгласила крахмальная Регина, прикладывая пожелтевший дубликат метра к голове своей рваной копии.

– Согласно уставу о благоустройстве саванны, норматив на количество Регин Зурабовен в одной климатической зоне составляет всего одна единица, – безжалостно отчеканила рваная Регина, выхватывая обломок стального лезвия. – Излишек нарушает общую кубатуру ведомственного пространства. Приступаю к канонической калибровке и принудительному усечению двойника!

Клик-клак! Клик-клак!

Обе мыши с яростным писком бросились друг на друга, сцепившись в один безумный, серый, кружащийся чиновничий клубок. Топор и обломки лезвий бешено замелькали в тумане, калибруя воздух, паутину, ведомости и остатки здравого смысла.

– Господа! – истошно завопил суслик Потап Иванович, хватаясь за голову. – Так который же из них настоящий ревизор?!

– Бежим, Андрюша! – заорал Толик, прыгая слону на самый кончик хобота. – Система замкнулась сама на себя! Акции Мышеархата падают в геометрической прогрессии!

Полковник Челентано, чья логика окончательно взорвалась от этого канонического кошмара, дико взвыл, прижал свои легендарные два метра слоновьей гордости к ушам и рванул прочь из трущоб. Пять тонн его серой плоти дрожали от страха перед двойным усечением излишков плоти. За ним, бросая карандаши и протоколы, в панике неслась вся районная канцелярия сурикатов.

А позади них, в глухом тупике возле Сенной, две Регины Зурабовны продолжали вечную, цикличную, истинно гоголевскую погоню друг за другом, пытаясь урезать лишнюю плоть до двадцати сантиметров.

Поодаль, завязав пятиэтажную шею изящным петербургским галстуком-жабо, сидел мудрый статский советник на пенсии – брахиозавр Элеазар. Веган-пацифист меланхолично жевал кувшинку, поправлял хвостом лорнет и тихо басил в сизый невинский туман, провожая взглядом убегающего слона:

– Все наши ревизоры – лишь флуктуация амбиций, Андрюша... Но чин – это лишь дым... Бюрократическая мышь все равно приведет ландшафт к единому знаменателю. Вопрос лишь в том, какая из двух...

Глава 8. Яма для Слонопотама

Утро застало Андриюшу Челентано за крайне утонченным занятием. Наш чистокровный мачо стоял у зеркального пруда и кончиком двухметрового хобота бережно втирал импортное миндальное масло в левое ухо. На нем не было никакой одежды – только безупречная серая кожа, лоснящаяся в лучах солнца.

– Хорош, чертяка, – томно пробасил Андриюша, кокетливо играя густыми подкрученными ресницами. – Самец. Гроза джунглей, саванны и всей Мультвселенной. Моя независимость – это незыблемый монумент мужской гордости.

– Кончай полировать фасад, Челентано! У нас тут великий замысел наклеивается! – заорал Толик в крошечном пробковом шлеме исследователя, выскакивая из складки на шее старшего товарища. В лапках пройдоха-таракан сжимал потрепанный блокнот с карандашным наброском какого-то циклопического существа.

– Толик, избавь меня от своих открытий, – уныло протрубил слон. – У меня от твоих планов левый бивень ныть начинается.

– Слушай сюда, гроза саванны! – Толик авторитетно постучал лапкой по чертежу. – Ты думаешь, твой двухметровый нос – единственное монументальное явление в этих джунглях? Ха! Ребята с дальнего болота пересказали мне старинную лесную легенду. В этих зарослях бродит таинственный Слонопотам. Он же Milne's Heffalump. Древние предания описывают его как нечто колоссальное, набухшее, набрякшее... Короче говоря, Челентано, это воплощение абсолютной, подавляющей силы, которая вечно маячит на границе сознания и снится по ночам в виде грозных теней.

Андриюша испуганно сглотнул, и его хобот рефлекторно сжался до полутора метров. Детский страх перед мышами, преследовавший его с тех самых трех месяцев, когда крошечный грызун бесцеремонно нарушил его покой, – мгновенно срезонировал с новой угрозой. Ему показалось, что если этот набрякший лесной великан бродит где-то рядом, его собственная гордость находится под двойным ударом.

– И... и что ты предлагаешь? – затрепетал слон.

– Старинная британская книга сказок знает ответ! – верещал Толик, размахивая лапками. – Мысль поймать этого зверя всегда всецело завладевает неокрепшими, инфантильными умами. И как его ловить? Нужна скрытая ловушка. Мы выроем Глубокую Яму! Понимаешь, Челентано? Уютную, круглую воронку прямо посреди тропы. Зверь обязательно попадет! Мы заманим этот первобытный лесной символ в ловушку, и твои ночные страхи будут полностью излечены через это символическое заземление. Жора уже сдал мне в лизинг две саперные лопаты под залог твоих ресниц!

Андриюша, поддавшись панике и напору Толика, послушно взял хоботом лопату. Ближайшие три часа слон и его пронырливый консилиери яростно крушили ландшафт, выкапывая посреди поляны огромную, идеально круглую воронку. На самом дне этого рукотворного «гнезда» Толик заботливо поставил глиняный горшок с надписью «МЁД», густо заправленный для приманки дегтем и жидким навозом, которые им поставлял тот же контрабандист Жора.

Поодаль, завязав пятиэтажную шею изящным морским узлом, сидел брахиозавр Элеазар. Веган-пацифист отстраненно наблюдал за земляными работами, пережевывая свежую рукколу.

– Ваша яма – это лишь архетипическая пустота... – меланхолично пробасил Элеазар, пускающая из ноздрей кольца дыма. – Вы пытаетесь поймать Слонопотама, но это стремление углубиться в землю – лишь подсознательное желание вернуться в безопасное, материнское чрево, укрыться от внешнего мира и обнулиться до базового состояния... Ом-м-м...

– Кончай разводить философию, Элеазар! Засада готова! – заорал Толик, увлекая Андриюшу в кусты бамбука. – Ждем чудовище!

Топ. Топ. Топ.

Земля содрогнулась. Но это был не гигантский мифический великан. Из-за баобаба, чеканя каждый шаг своими микроскопическими розовыми лапками, вышла она.

Регина Зурабовна.

Ее белоснежный фартук хрустел от чистоты, а в лапках вместо ножниц был зажат монументальный штангенциркуль. Мышь двигалась по своей идеальной геологической прямой и, разумеется, не заметила круглую ловушку, вырытую нашими героями без учета ГОСТов. С тихим, сухим звуком «ШЛЕП» Регина Зурабовна соскользнула по глиняному склону и рухнула точно на самое дно воронки, прямо в горшок с Жориным дегтярным «медом».

Законы анимационного абсурда и скрытых намеков сработали мгновенно. Главный представитель местного Мышеархата, мечтающий откастрировать хобот Андрюши, оказался заперт внутри большой земляной ловушки.

– Нарушение рельефа саванны, незаконные подземные изыскания и вопиющее искажение радиальной симметрии периметра, – ледяным, глухим голосом донеслось со дна ямы.

Клик-кляк! Внутри воронки зловеще щелкнул штангенциркуль.

– Мама родная, мы поймали не того демона! – истошно взвизгнул Толик, и его пробковый шлем от ужаса катапультировался с головы.

Из глубины воронки, аки первобытный кайдзю из пучины, медленно поднималась двадцатиграммовая Регина Зурабовна. Жидкий навоз ровным слоем покрывал ее белоснежный фартук, превращая деятеля Мышеархата в подобие глянцевого Дарта Вейдера. Штангенциркуль в ее лапках угрожающе раздвинулся до максимальной отметки шкалы.

– Нарушение кубического пространства саванны карается ампутацией выступающих частей, – отчеканила она, совершая реактивный прыжок прямо из жижи.

Андрюша Челентано, чей хобот от паники усох уже до размеров скромного шланга от пылесоса, издал ультразвуковой писк и рванул назад. Его безупречная серая кожа мгновенно покрылась каплями холодного пота. В ту же секунду Регина Зурабовна, лихо оттолкнувшись от глиняного края ямы, полетела за ним по идеальной баллистической траектории, яростно щелкая стальным измерительным прибором.

– Ложись, Андрюха! Торпеда слева! – заорал Толик, судорожно вцепляясь в складки слоновьей шеи.

Брахизавр Элезар, чья шея была завязана морским узлом, меланхолично вздохнул:

– Насилие – это лишь проекция внутреннего неприятия... О боги, она сейчас откусит ему что-то значимое!

Слон на полной скорости влетел в заросли бамбука. Треск стоял такой, будто батальон лесорубов сдал годовой план за три секунды. Регина Зурабовна не отставала ни на сантиметр. Она виртуозно использовала бамбуковые стебли как шесты для прыжков, шныряя между ветками с грацией бешеного ниндзя. Клик-кляк! Металлическая губка штангенциркуля лягнула в миллиметре от левого бивня Андрюши.

– Толик, делай что-нибудь! Она порежет меня по частям! – в панике протрубил Челентано, виляя задом и сшибая баобабы.

– Используй хобот! Включи реверс, дубина! – скомандовал таракан.

Андрюша, не помня себя от ужаса, резко развернулся, набрал в легкие побольше воздуха и со всей дури дунул через хобот прямо в пикирующую мышь. Мощная струя воздуха, подбитая скопленным внутри бамбуковым соком, врезалась в Регину Зурабовну. Но уполномоченную Мышеархата было не взять дешевыми анимационными трюками: она мгновенно раскрыла фартук, используя его как парашют, поймала воздушный поток и пошла на мертвую петлю.

– Тактический маневр! К отступлению! – заверещал Толик.

Они выскочили на берег зеркального пруда, где еще утром Андрюша томно любовался своим отражением. Пути назад не было. Сзади, со свистом рассекая воздух штангенциркулем, на них падала черная от дегтя фурия.

В этот критический момент слон вспомнил, что он – чистокровный мачо и единственный самец семейства Elephantidae в этих краях. Он затормозил всеми четырьмя лапами, поднимая тучи золотого песка, и резко крутанул головой. Хобот Андрюши, словно стонущая от натяжения стальная цепь, описал в воздухе идеальную дугу и с глухим шлепком захлестнул Регину Зурабовну поперек ее накрахмаленного, но уже изрядно закопченного фартука.

– Попалась, чертовка! – восторженно пискнул Толик, победно размахивая лапками.

Но Мышеархат не сдавался без боя. Оказавшись в тисках, Регина Зурабовна даже не моргнула. Извернувшись всем телом с гибкостью профессионального гимнаста, она с силой вонзила острые ножки штангенциркуля прямо в чувствительный кончик слоновьего носа – аккуратно в то место, куда Андрюша утром так бережно втирал миндальное масло.

– И-и-и-у-у-у-у-у! – выдал слон такую ультразвуковую ноту, от которой в радиусе пяти километров попадали с веток все попугаи.

От дикой боли Андрюша рефлекторно разжал хобот и, потеряв координацию, со всего маху рухнул задом прямо в зеркальный пруд. Стокубовый всплеск поднял цунами, которое мгновенно смыло прибрежные кусты, а заодно полностью отмыло Регину Зурабовну от нечистот.

Мышь, выброшенная взрывной волной на берег, изящно приземлилась на четыре лапы. Ее фартук снова ослепительно блестел на солнце, а взгляд выражал абсолютный тектонический гнев.

– Порча водного фонда саванны, несанкционированный гидроудар, – ледяным тоном зафиксировала она, стремительно приближаясь к кромке воды, где из пруда испуганно торчали только глаза и верхушка хобота Андрюши. – Переходим к принудительному изъятию органов обоняния.

– Челентано, всплывай, у нас ЧП! – вдруг заорал Толик, который во время падения успел перегруппироваться и теперь сидел на макушке слона, как на маленьком островке. – Посмотри на Элеазара!

На другом конце поляны брахиозавр, до этого момента пребывавший в глубоком нирваническом дзене, внезапно изменился в лице. Грохот погони и ультразвуковой крик Андрюши бесцеремонно разрушили его ментальное поле. Глаза вегана-пацифиста налились кровью, а завязанная морским узлом пятиэтажная шея начала бешено раскручиваться в обратную сторону, превращаясь в гигантский, неуправляемый пропеллер.

– Мой внутренний покой... разрушен... – утробно прорычал Элеазар, теряя всякий контроль над своим миролюбивым эго. – Вы разбудили во мне... Слонопотама!

С диким, первобытным ревом брахиозавр понесся прямо на них, круша остатки бамбука и превращая землю в труху своими многотонными лапами. Ситуация приняла абсолютно катастрофический оборот: теперь Андрюша и Регина Зурабовна оказались на траектории движения разъяренной живой горы.

– Тактический альянс! Объявляю временный пакт о ненападении! – истошно заверещал Толик, оценив масштабы летящего на них титанического бедствия.

– Исключено. Мышеархат не ведет переговоров с нарушителями ГОСТов, – ледяным тоном отрезала Регина Зурабовна, даже не взглянув на таракана.

В ту же секунду Элеазар достиг берега. Его завязанная морским узлом пятиэтажная шея раскручивалась с частотой вертолетного винта, выкашивая прибрежные джунгли под самый корень.

– Челентано, ныряй, он нас на салат пустит! – взвизгнул Толик.

Андрюша со страху зажмурился, набрал в легкие воздуха и камнем ушел на дно пруда. Над поверхностью остался торчать только кончик его двухметрового хобота, работающий как дыхательная трубка.

Регина Зурабовна осталась на берегу один на один с разъяренным веганом. Она решила применить тактику точечного подавления. Расчетливым прыжком мышь взмыла в воздух, целясь штангенциркулем в коленную чашечку динозавра, чтобы обездвижить гиганта.

Клик-кляк! Металлические губки прибора звякнули о толстую шкуру Элеазара, но многотонная туша даже не заметила удара. В следующее мгновение гигантский хвост брахиозавра описал дугу и с силой впечатался в землю. Регину Зурабовну взрывной волной отбросило назад – она пролетела метров десять и с размаху шлепнулась в ту самую незаконную Глубокую Яму, из которой недавно выбралась.

– Зафиксирована критическая погрешность в расчетах массы, – глухо донеслось из темноты воронки. Мышеархат временно выбыл из строя.

Элеазар, потеряв из виду мелкую цель, затормозил у самой кромки воды. Его налитые кровью глаза сфокусировались на одиноком хоботе, торчащем из пруда.

– Разрушители... нирваны... – утробно прорычал ящер.

Он поднял свои массивные передние лапы и с размаху обрушил их в воду. Гидроудар был такой силы, что Андрюшу буквально вышибло со дна пруда, как пробку из бутылки шампанского. Огромная серая туша мачо вылетела на песчаный берег и беспомощно покатила на спине, перебирая в воздухе всеми четырьмя ногами.

Толик, чудом удержавшийся за слоновье ухо, судорожно листал свой потрепанный блокнот:

– Андрюха, план «Б»! У нас нет плана «Б»! Используй харизму! Дави его авторитетом!

– Я мачо, а не гладиатор! – в панике трубил слон, пытаясь перевернуться на животик.

Брахиозавр уже возвышался над ним, готовый растоптать остатки мужской гордости Челентано. Голова и шея ящера, ставшие живым пропеллером, свистели так, что песок летел во все стороны. Андрюша, понимая, что терять больше нечего, решил изменить подход. Он резко вытянул хобот, обвинил его вокруг ближайшего векового баобаба и, задействовав всю мышечную массу «саванного принца», рванул дерево на себя. Баобаб с треском повалился, перекрывая траекторию движения динозавра. Но Элеазар в своей ярости просто разнес ствол в щепки одним ударом раскрученной шеи. Ошметки древесины рикошетом прилетели Андрюше прямо по ресницам.

– Мой фасад! – трагически закричал слон, окончательно теряя самообладание.

Из ямы, шатаясь, но по-прежнему крепко сжимая штангенциркуль, выбралась Регина Зурабовна. Ее некогда идеальный фартук был безжалостно разорван, а на лбу красовалась симметричная шишка. Она посмотрела на барахтающегося слона, затем на крушащего все вокруг динозавра и неохотно признала поражение одиночной стратегии.

– Внимание, элементы экосистемы, – ледяным, но слегка прерывающимся голосом командовала она. – Локальное сопротивление неэффективно. Требуется синергия. Объявляю принудительное слияние активов!

– Толик, переводы на понятный! – закричал Андрюша, уворачиваясь от летящего в него обломка скалы.

– Она говорит – объединяемся, иначе нам всем хана! – перевел таракан. – Челентано, подбери ее носом! Быстро!

– Катапультирование объекта по настильной траектории! – командовала Регина Зурабовна, на ходу запрыгивая в раскрытую петлю слоновьего носа.

– Понял! Запуск мыши в стратосферу! – заорал Толик.

Андрюша Челентано, позабыв про ущемленное мужское эго, резко согнул хобот, словно тугую стальную пружину, и со всей дури распрямил его в сторону нависающего брахиозавра.

Регина Зурабовна вылетела из живой катапульты со скоростью артиллерийского снаряда. Ее лапки были прижаты к телу, а штангенциркуль выставлен вперед, как таран.

В этот же миг Элеазар совершил очередной замах своей пятиэтажной шеей-вертолетом. Из-за дикого вращения вокруг головы динозавра образовался мощный воздушный вихрь. Попад в этот поток, мышь потеряла идеальную баллистическую траекторию: ее закрутило, завертело и со свистом швырнуло обратно на землю – прямо под многотонную лапу наступающего ящера.

– Координация сорвана! Отмена операции! – пискнул Толик, закрывая глаза лапками.

Андрюша зажмурился. Животный страх перед Мышеархатом мгновенно отступил перед лицом чистого, первобытного ужаса: на его глазах чудовище собиралось раздавить живое существо. Чистокровный мачо внутри него взревел.

– Держись, мелочь! – протрубил слон.

Не обращая внимания на свистящую над головой шею динозавра, Андрюша совершил отчаянный подкат на боку, поднимая тонны песчаной пыли. В самый последний момент перед ударом стопы Элеазара о землю слон успел подсунуть кончик хобота под лапу гиганта и буквально выудил Регину Зурабовну из-под смертельного пресса. Ловя инерцию, Андрюша перекатился через спину, увлекая за собой мышь и таракана, и все трое кубарем покатались прочь.

Элеазар, промахнувшись, пошатнулся. Центробежная сила его собственной раскрученной шеи окончательно лишила многотонную тушу баланса. Гигант заскользил по мокрой глине, его огромная задняя нога с треском провалилась в вырытую Андрюшей и Толиком круглую воронку.

Яма, рассчитанная на Слонопотама, для динозавра была размером со скромную капканную лунку, но этого хватило. Раздался сочный, чавкающий звук. Находившийся на дне горшок с жидким навозом лопнул под весом гигантской стопы. Скользящая вонючая жижа мгновенно смазала края воронки. Нога Элеазара ушла глубоко в землю, намертво заклинив между корнями бамбука.

Теряя равновесие, брахиозавр взмахнул шеей, словно падающая корабельная мачта, и со всего маху впечатался головой о каменистый выступ скалы. Удар вышиб из него остатки ярости. Пятиэтажная шея бессильно обмякла, растянувшись вдоль берега, а застрявшая в яме нога лишила ящера возможности двигаться.

Какое-то время в саванне стояла оглушительная тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Андрюши.

Элеазар приоткрыл один глаз, посмотрел на свою намертво засаженную в землю ногу, затем на липкую жижу вокруг и внезапно блаженно улыбнулся. Разрушительное эго отступило, уступив место привычному пацифизму.

– Эта яма... – тихо и сыто пробормотал из глубин сознания динозавр. – Моя нога укоренилась в материнском чреве земли... Полное заземление и обнуление до базового состояния. Я – дерево. Ом-м-м...

Ящер затих, погружаясь в глубочайший транс прямо на поле боя.

На берегу, тяжело дыша, сидели трое. Андрюша Челентано бережно опустил хобот на песок. Регина Зурабовна, шатаясь, освободилась из петли его носа, поправила обрывки накрахмаленного фартука и впервые за день посмотрела на слона без ледяного презрения.

– Несанкционированная инженерная конструкция признана эффективным стопором, – сухо зафиксировала она, пряча штангенциркуль. – Объявляю операцию успешно завершённой. Штраф за незаконные подземные работы... аннулирован ввиду форс-мажора.

Толик победно запрыгал на слоновьем ухе:

– Мы сделали это, Челентано! Твоя гордость спасена! Мы обуздали эту живую гору!

Андрюша посмотрел на свое отражение в зеркальном пруду. На левом ухе все еще поблескивало миндальное масло, но ресницы были безжалостно забиты бамбуковыми щепками. Он кокетливо моргнул и томно пробасил:

– Да, Толик. Самец. Но в следующий раз спасать Мышеархат будешь сам. С меня хватит шланговых процедур.

Толик, авторитетно простукивая лапкой расслабленный палец динозавра, глубокомысленно кивнул.

– Кажется, Элеazar отловил свой дзен и успокоился, – констатировал он. – Сдается мне, штурм окончен. Давай его освобождать. Андрюха, тащи лизинговые лопаты!

Челентано, все еще вздрагивая от пережитого экшена, бережно подцепил хоботом инструмент. Следующие полчаса поляна напоминала съемочную площадку ударной социалистической стройки: слон яростно вгрызлся сталью в глину, расширяя периметр капкана, а Толик сверху координировал процесс, размахивая помятым пробковым шлемом и подгоняя напарника сочными командами.

Регина Зурабовна в спасательной операции участия не принимала – Мышеархат не марал лапки в земляных работах без согласованной сметы, поэтому она лишь ледяным взглядом фиксировала глубину подкопа.

Наконец, корни бамбука поддались. С тихим, чавкающим звуком освобожденная нога Элеазара выскользнула из тисков саванны.

Брахизавр лениво приоткрыл один глаз, посмотрел на израненную, но свободную конечность, затем на облепленный дегтярным «медом» хвост и блаженно улыбнулся.

– Спасибо, друзья... – тихо и сыто пробормотал динозавр и поднялся. – Я уйду вглубь чащи... медитировать на корень папоротника. Ом-м-м...

Пошатываясь, гигант меланхолично побрел в туман, полностью устранившись от мирской суеты. Какое-то время в саванне стояла оглушительная тишина.

А потом воздух в саванне вдруг стал горячим, липким и невыносимо душным. Зеркальная гладь пруда пошла зудящей рябью. Из бамбукового тумана, с треском раздвигая вековые баобабы, на поляну вывалилось Оно.

Это не был зверь, у него не было лица. Это было нечто колоссальное, тугое, до краев налитое тяжелой, пульсирующей кровью. Багровая, набрякшая туша возвышалась над джунглями, лоснясь от чудовищного внутреннего давления. Оно двигалось вслепую, ведомое одним-единственным, неостановимым инстинктом – расширяться, захватить, подчинить себе все живое.

– Вот это поворот! – истошно выкрикнул Толик, и его пробковый шлем от ужаса окончательно катапультировался с головы. – Heffalump реален.

Андрюша испуганно сглотнул. Его собственный хобот, утренний «монумент мужской гордости», на фоне этого исполина казался жалкой, увядшей ниточкой.

– Челентано, план работает! Наш Слонопотам сам прет на ловца! – заверещал Толик, судорожно листая потрепанный блокнот. – Сейчас он сделает шаг в сторону... сейчас он наступит на тропу... Давай, родимый, шагай в воронку! Там тебя ждет теплое земляное гнездо!

Но Слонопотам не просто шагал. Его набрякшая, сочащаяся первобытным давлением плоть вдруг задрожала, слепо потянувшись к открывшейся впереди пустоте. Монстр не собирался аккуратно попадаться в ловушку – он жаждал внедриться в тесную округлость ямы, сокрушительно заполнить ее собой до самого дна, чтобы через это грубое слияние разрядить накопившееся напряжение.

Регина Зурабовна резко опустила штангенциркуль. Ее глаза впервые в жизни округлились от удивления, а накрахмаленный фартук пошел мелкой дрожью.

– Отставить поимку! Всем постам, экстренная смена приоритетов! – ледяным, но срывающимся на ультразвук голосом скомандовала представительница Мышеархата. – Объект не

подлежит изоляции! Его объем превышает критический лимит локальной вселенной! Защищаем ловушку от монстра!

– Да в чем дело-то?! – взвизгнул Толик, едва удерживаясь на ухе великана. – Пусть падает! Жора за лопаты три шкуры сдерет, если мы зря копали!

– Дубина! Если эта набрякшая туша внедрится в идеально круглую воронку, наступит тотальный анимационный коллапс саванны! – заорала Регина Зурабовна, окончательно теряя свой чиновный апломб. – Наша Мультвселенная сделана по законам плоской рисованной графики и скрытых метафор! Если этот хаотичный, выпирающий объект займет пустоту лоно земли, законы физики сломаются! Произойдет переизбыток грубой физиологии! Ловушка захлопнется изнутри, поглотит саму себя, трехмерная текстура разорвет двухмерный кадр, и нас всех навечно зажует в душную, маслянистую чернильную кляксу! Саванну просто сотрет из памяти аниматора!

Толик побелел. Андрюша Челентано, хоть и не понял половину слов про текстуры, отчетливо осознал одно: если эта багровая гора сейчас осквернит и поглотит их круглую яму, мир превратится в сплошной кошмар, где больше не будет ни друзей, ни зеркального пруда, ни импортного миндального масла.

– Защитить лоно саванны! Закрыть периметр! – скомандовала Регина Зурабовна, бросаясь вперед.

– Закрывай ворота, Андрюха! – дико закричал таракан.

Времени на раздумья не осталось. Слонопотам уже навис над Глубокой Ямой, пульсируя от слепого, неостановимого вожделения, готовый осуществить финальный, сокрушительный нырок внутрь земляного гнезда.

Забыв про страх, Андрюша совершил отчаянный прыжок наперерез, падая грудью прямо на край воронки. Слон вытянул свой двухметровый хобот, превращая его в жесткий, налитый яростью шлагбаум прямо над зияющей пустотой. Регина Зурабовна, поймав волну чистого безумия, взбежала по его носу и со всей дури вонзила острые ножки штангенциркуля в глину, создавая последнюю точку опоры.

Набрякшая туша Слонопотама всей своей колоссальной массой обрушилась сверху, пытаясь продавить блок и внедриться в землю.

Воздух разорвал сочный, первобытный хруст. Андрюша закричал от боли – его хобот сжимался под мощнейшим давлением чужого, горячего тела. Весь этот багровый напор лоб в лоб столкнулся со слоновьим барьером. Живая гора буквально распласталась по вытянутому носу Челентано, но прорваться к ждущей внизу пустоте так и не смогла. Круглая яма была спасена от осквернения.

Импульс Слонопотама захлебнулся в миллиметре от цели. Не сумев войти в темное гнездо воронки, колоссальный монстр замер, раздуваясь от нереализованной, запертой внутри энергии. А затем вся эта набрякшая плоть, лишенная разрядки, начала стремительно терять упругость.

Раздался оглушительный, свистящий звук, какой бывает, если развязать узел на гигантском резиновом шаре. Слонопотам начал бешено опадать и морщиться. Лишенная вектора первобытная спесь вырвалась наружу мощной струей воздуха. Сдувающийся монстр завертелся на месте, сорвался с края ямы и, дико свистя, улетел в стратосферу, тая в небесах, как нелепый серый обрывок.

Поляну снова накрыла благословенная, чистая тишина. Липкая духота мгновенно рассеялась. Андрюша медленно опустил израненный хобот на песок, тяжело дыша. Его серая кожа была покрыта потом, но ресницы кокетливо взметнулись вверх.

Регина Зурабовна поправила обрывки фартука, спрятала погнутый штангенциркуль в карман и сухо произнесла:

– Радиальный баланс восстановлен. Анимационный коллапс отменен. На сегодня... долговые обязательства аннулируются ввиду спасения вселенной.

Толик высунулся из складки, поднял свой помятый шлем, бережно водрузил его на голову и ухмыльнулся:

– Ну что, гроза саванны? Фасад цел, чудище улетело. Пошли полировать кожу миндальным маслом?

Андрюша Челентано томно посмотрел на свое отражение в зеркальном пруду, кокетливо моргнул густыми подкрученными ресницами и вальяжно пробасил:

– Только импортным, Толик. Только импортным. Настоящий мачо должен сиять.

Глава 9. Мамкин мачо

Утро встретило джунгли пронзительной тишиной. Андрюша Челентано стоял на коленях у ручья, пытаясь отмыть хобот от присохшей грязи. Нарциссизм требовал немедленного возвращения к идеальному облику, но вместо миндального масла из кармана пахло исключительно табаком и паникой.

– Андрюха, не вертись, я настраиваю лазерный контур периметра! – прикрикнул Толик, копошась на макушке слона.

Сегодня таракан превзошел сам себя. На черном рынке у гиены Жоры он взял в кредит под залог левого бивня слона партию светящихся гнилушек и навозных жуков-светляков. Толик связал их паутиной в длинные гирлянды и теперь развешивал вокруг Андрюши, создавая подобие охранной системы как в научно-фантастическом фильме.

– Если хоть один грызун пересечет эту светящуюся линию, жуки начнут яростно жужжать, а я выпущу в воздух струю боевого дихлофоса, который я скоммуниздил у Жоры! – гордо объявил «Арнольд-стратег». – Безопасность твоего отростка теперь на высшем технологическом уровне!

– Толик, ты опять заложил мой бивень? – Андрюша испуганно скосил глаза на левую сторону морды. – Ты с ума сошел?! Я же буду асимметричным! Я перестану быть мачо и превращусь в какого-то пирата из комиксов! Мое самомнение упадет ниже плинтуса!

Рядом, тяжело отдуваясь, сидел Элеазар. Вчера он объелся бананов, так что его желудок раздулся, а из ушей периодически вылетали маленькие фруктовые пузыри.

– Разделение на левое и правое – это иллюзия ума... – меланхолично проикал динозавр. – Но твой таракан... он разрушает мою экосистему своими жуками на ниточках... Это вызывает у меня онтологический спазм...

Вдруг светлячковый контур Толика яростно зажужжал. Жуки закружились, паутина натянулась.

Топ. Топ. Топ.

Земля не просто вздрогнула, она прогнулась. Но это были не только шаги Регины Зурабовны. Шаги были двойными, синхронными и пугающе ритмичными.

Из-за баобаба вышла Регина Зурабовна. Ее белый фартук был дополнен строгим черным галстуком-бабочкой. А рядом с ней шла она.

Тамара Вазгеновна. Мама.

Она весила не двадцать, а целых тридцать граммов. На ней был монументальный кринолин из засушенных листьев лопуха, на голове – шляпка из кокосовой скорлупы, а в лапах она держала не просто ножницы, а тяжеленный чугунный портновский утюг на углях, из которого зловеще валил серый дым.

– Регина, – громовым шепотом, от которого у Андрюши подогнулись все четыре колена, произнесла Тамара Вазгеновна. – Что это за свинарник? Почему этот серый холм до сих пор не отутюжен по швам? И что это за безобразный длинный шланг висит у него посреди фасада? Это же полная безвкусица! Немедленно разгладить и укоротить!

– Слушаюсь, мама, – бесстрастно ответила Регина Зурабовна, доставая из-за пазухи канцелярский нож с выдвижным лезвием. «Клик-клик-клик». Секции лезвия выдвинулись на максимальную длину.

– Мама-а-а-а-а! Их теперь двое! – взвизгнул Андрюша Челентано.

Его ужас перед мышами мгновенно разросся до размеров Эвереста. Слону показалось, что чугунный утюг Тамары Вазгеновны сейчас прижмет его гордость к земле, а Регина легким движением руки превратит его двухметровое эго в аккуратную шелковую ленточку.

– Включаю химическую атаку! За Родину! За Арнольда! – заорал Толик, нажимая на клапан украденного баллона.

Но вместо дихлофоса из баллона под давлением вырвалась гигантская струя розовой монтажной пены – товар гигиены Жоры снова оказался каким-то непонятным контрафактом. Розовая пена мгновенно заполнила пространство, окутав Андрюшу, Толика, Элезара и светящихся жуков гигантским, липким, зефирным облаком.

Пена от гиены Жоры обладала поистине феноменальными свойствами. Вступив в реакцию с грязью на шкуре Андрюши, она мгновенно раздулась, зашипела и застыла, превратив пятитонного слона в гигантский, неповоротливый зефирный торт. На самой вершине этого кондитерского кургана, как вишенка, торчал хобот, намертво замурованный по самое основание.

– Стратегический бетон застыл! – доложил Толик, чей ус намертво прилип к фисташковой каске. – Мы внутри неприступной цитадели, Челентано! Зубастая стерва и ее матушка не прокусят эту броню!

– Толик... я не могу дышать ноздрями... – глухо донеслось из глубины розового плена. – И мне кажется, мой хобот зафиксирован под углом сорок пять градусов. Это неэстетично! Я похож на памятник какому-то водопроводчику!

Рядом послышался тяжелый вздох. Элеazar тоже оказался частично замуrowан. Его пяти-этажная шея торчала из пены, словно гигантский стебель сельдерея из розового майонеза.

– Какая плотная, удушающая сансара... – меланхолично пробормотал брахиозавр, тщетно пытаясь шевельнуть ухом. – Розовый цвет блокирует мою сердечную чакру... Мы стали заложниками чужого строительного брака...

У подножия зефирного бункера Тамара Вазгеновна критически осмотрела преграду сквозь лорнет, сделанный из двух канцелярских скрепок. Ее кокосовая шляпка воинственно сдвинулась набок. Из чугунного утюга на углях повалил густой, черный, абсолютно неэкологичный дым.

– Какая вопиющая асимметрия, Регина, – сурово произнесла матушка, топнув лапкой в кринолине. – Этот холм выглядит как плевок на лице нашей саванны. Порядок требует радикального демонтажа. Подключай термическую обработку.

– Слушаюсь, мама, – бесстрастно ответила Регина Зурабовна.

Она подошла к утюгу, ловко подцепила тесаком заслонку и плеснула внутрь чугунного монстра целую пробирку дистиллированной воды из своего бездонного фартука.

Законы фантастической термодинамики включились на полную мощность. Утюг Тамары Вазгеновны задрожал, заклацал крышкой и выдал колоссальный, направленный паровой удар силой в тридцать атмосфер.

ПШШШШШШШШШШШШШШШШШШШ-БУМ!

Струя раскаленного пара ударила точно в основание розового зефира. Монтажная пена Жоры не выдержала натиска высокой моды и идеального порядка. Она начала стремительно плавиться, превращаясь в липкую, бурлящую розовую карамель. Земля под ногами героев поплыла.

Андрюша, лишившись опоры, с диким трубным визгом покатился вниз по склону поляны, увлекая за собой Элеазара и Толика. Они неслись, как огромный розово-серый ком грязи, собирая по пути остатки светляков и бамбуковых палок сурикатов.

– Тормози-и-и! – орал Толик, вращаясь внутри этого липкого колеса сансары. – Впереди тектонический сдвиг!

БАМС!

Гигантский ком из слона, динозавра и таракана на полной скорости врезался в компостную кучу, которую Элеazar заботливо собирал все утро. Взрыв органики был сокрушительным.

Воздушная волна снова подбросила всех участников драмы в воздух, закрутив в безумном карусельном пике.

Когда законы гравитации наконец вспомнили о своих обязанностях, триумвират саванны рухнул обратно на грешную землю.

Первым из стратосферы вернулся Элезар. Он приземлился на баобаб, застряв в развилке ветвей точь-в-точь как гигантский, покрытый розовой глазурью и прошлогодней листвой скворечник. Из его левого уха с тихим хлопком вылетел последний банановый пузырь.

– Гравитация – это всего лишь грубое напоминание о материальности бытия... – глухо просипел динозавр в крону дерева. – Но мой хвост... кажется, он обрел ментальную связь с верхними слоями атмосферы...

Следом, ломая кусты дикой малины, приземлился Андрюша Челентано. Пятитонный метросексуал упал на спину, раскинув лапы в форме морской звезды. Хваленый зефирный бункер Толика превратился в тонкую, липкую и дымящуюся корочку, которая теперь намертво зафиксировала хобот Андрюши в строго вертикальном положении. Слон выглядел так, будто посреди джунглей установили памятник розовому единорогу-неудачнику.

– Толик... – прошептал Андрюша, пытаясь скосить глаза на кончик носа. – Если на мне сейчас сидит хоть одна муха, я умру от эстетического шока. Скажи мне, что я все еще прекрасен.

– Ты монументален, бро! – донесся бодрый голос откуда-то из района слоновьего уха.

Толик вылез из глубокой складки на шкуре Андрюши. Его фисташковая каска была сбита на затылок, один ус закрутился спиралью после взрыва компоста, но в глазах горел огонь несломленного тактика. В лапках таракан сжимал обломок бамбуковой палки.

– Химическая атака захлебнулась из-за диверсии поставщика, но стратегическое отступление выполнено по плану! – Толик запрыгнул на лоб слона и приставил лапку к козырьку. – Мы перегруппировались в низине. Потерь нет. Бивень на месте, хоть и в навозе. Враг деморализован нашей непредсказуемостью!

Раздался сухой, ритмичный стук. Шаги приближались.

Из облака оседавшей кошачьей мяты и компостной пыли величественно выплыли они. Кринолин Тамары Вазгеновны даже не помялся. Шляпка из кокосовой скорлупы сидела идеально ровно, а из чугунного утюга, который матушка несла с грацией олимпийского факелоносца, продолжал идти элегантный серый дымок. Регина Зурабовна следовала за ней на полшага позади, бесстрастно пощелкивая секциями канцелярского ножа: клик-клик-клик.

– Какое безобразие, Регина, – леденящим душу шепотом произнесла Тамара Вазгеновна, остановившись в трех шагах от поверженного Андрюши. Она подняла лорнет из скрепок и брезгливо осмотрела слона. – Мало того что этот серый холм абсолютно несимметричен, так теперь он еще и пахнет как дешевая кондитерская фабрика после забастовки сантехников. Это плевок в душу высокой моды.

– Исправим, мама, – монотонно отозвалась Регина Зурабовна, делая шаг вперед. Лезвие ножа блеснуло в лучах утреннего солнца.

– Стоять! – Толик отважно выбежал на самый кончик застывшего хобота Андрюши, угрожая размахивая бамбуковой щепкой. – Шаг вперед – и я применю секретное оружие! Я знаю, где Жора прячет просроченный освежитель воздуха «Альпийский луг»! Это будет экологическая катастрофа!

Тамара Вазгеновна медленно опустила лорнет. Ее тридцатиграммовое тело излучало такую мощную ауру авторитаризма, что у Толика подкосились все шесть лапок.

– Регина, – матушка слегка повернула голову. – Что это за кухонный критик высказывает мне свои претензии? Почему на нем строительная каска не по размеру? И почему этот шнурок до сих пор не выглажен?

– Это таракан Анатолий, мама. Местный маргинал и ландшафтный дизайнер-самоучка, – ответила Регина.

– Ужасно. Полная безвкусица, – отрезала Тамара Вазгеновна и подняла свой тяжелый чугунный утюг. – Регина, держи холм за левый бивень. Мы начинаем радикальную примерку. Сначала отпарим этот розовый срам, а потом укоротим фасад на три метра. Джунгли должны быть элегантными!

Андрюша зажмурился и приготовился к худшему, Элеазар на дереве тихо запел мантру очищения, а Толик... Толик понял, что стандартные методы войны бессильны против монументального материнского авторитета. Нужен был сокрушительный дипломатический маневр. Таракан сорвал с головы фисташковую каску, прижал ее к груди и упал на одно колено прямо на кончике слоновьего хобота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.